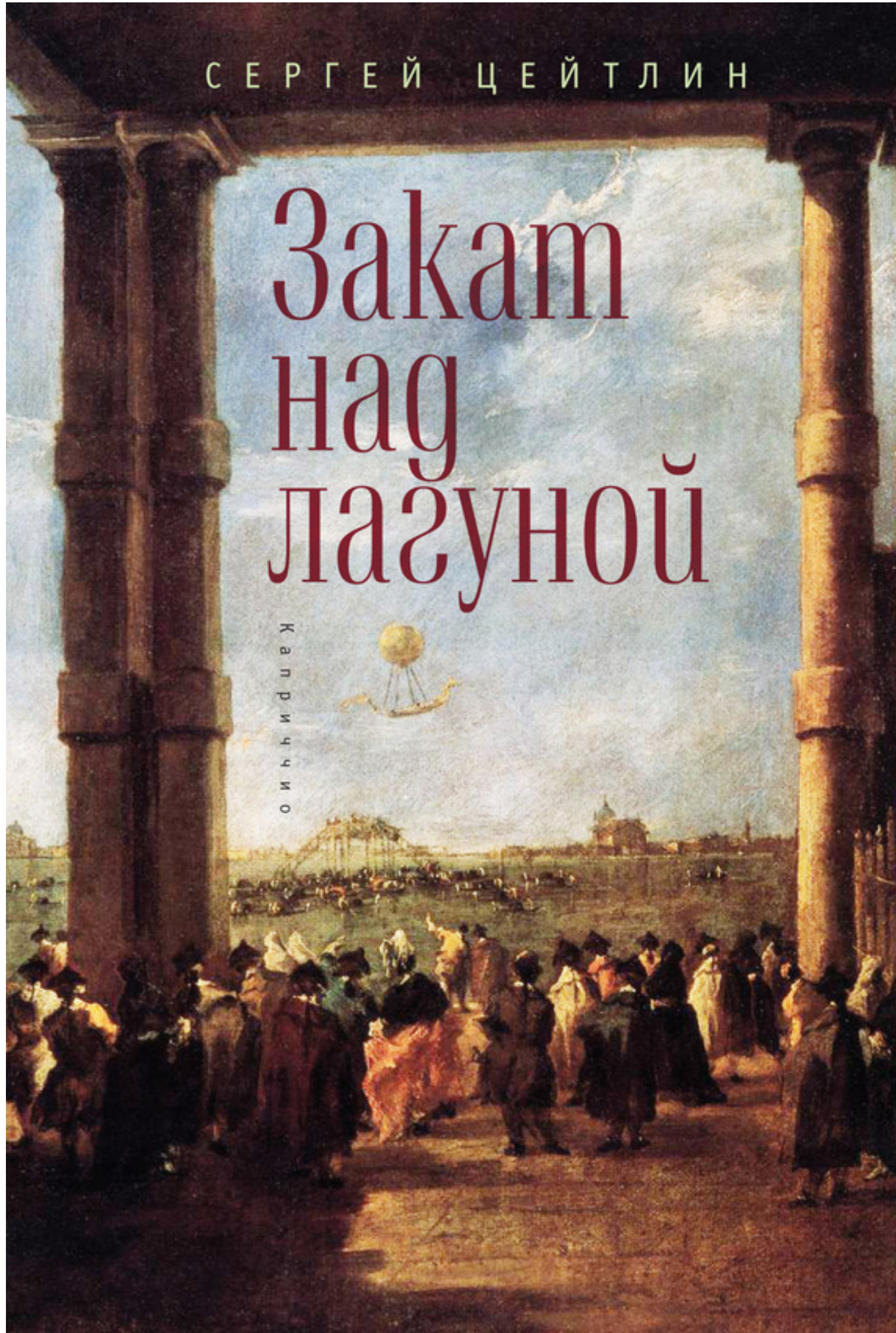

СЕРГЕЙ ЦЕЙТЛИН

Закат Над лагуной

Каприччио

Сергей Цейтлин

**Закат над лагуной. Встречи
великого князя Павла
Петровича Романова с
венецианским авантюристом
Джакомо Казановой. Каприччио**

«Алетейя»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цейтлин С.

Закат над лагуной. Встречи великого князя Павла Петровича Романова с венецианским авантюристом Джакомо Казановой. Каприччио / С. Цейтлин — «Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906860-39-2

Путешествие графов дю Нор (Северных) в Венецию в 1782 году и празднования, устроенные в их честь – исторический факт. Этот эпизод встречается во всех книгах по венецианской истории. Джакомо Казанова жил в то время в Венеции. Доносы, адресованные им инквизиторам, сегодня хранятся в венецианском государственном архиве. Его быт и состояние того периода представлены в письмах, написанных ему его последней венецианской спутницей Франческой Бускини после его второго изгнания (письма опубликованы). Известно также, что Казанова побывал в России в 1765 году и познакомился с юным цесаревичем в Санкт-Петербурге (этот эпизод описан в его мемуарах «История моей жизни»). К сожалению Казанова не рассказал о путешествии графов дю Нор в Венецию в своей автобиографии: она прерывается 1774 годом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906860-39-2

© Цейтлин С., 2016

© Алетейя, 2016

Содержание

1	8
2	12
3	17
4	22
5	29
6	33
7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Цейтлин
Закат над лагуной
Встречи великого князя Павла
Петровича Романова с венецианским
авантюристом Джакомо Казановой
Каприччо

© С. Цейтлин, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

*Автор выражает благодарность Марино Дзорци за бесценные
советы и помощь при написании этого романа.*

1

Влажным утром 18 января 1782 г. (по григорианскому календарю), пока на поверхности Бачино ди Сан-Марко еще не совсем рассеялась густая светло-серая дымка, к набережной Скъявони приближался на веслах небольшой двухмачтовый галиот с овальным корпусом и маленьким, даже несколько приплюснутым носом¹.

У передней мачты стояли две фигуры: одна невысокая, стройная, в щегольском зимнем плаще и черной треуголке; другая повыше, пухловатая, в меховом головном уборе и плотно укутанная в длинную шубу. Они стояли неподвижно, словно статуи, застыв в безвременности, но не от холода, а от пронзительной красоты, которая открывалась перед ними. Вокруг судна живо и радостно качалось бесчисленное количество ярко украшенных шлюпок, гондол и *пеот*², торжественно приветствуя долгожданных гостей. Над крышами прибрежных палаццо к бледно-голубому небу стремился огромный зеленый пирамидальный шпиль, а на самой верхушке золотой ангел ловил слабые лучи восходящего солнца.

Как только галиот причалил к пристани, на палубе засуетился экипаж, вынося из каюты саквояжи, сумки и сундучки – короче, все, что обычно составляет багаж богатой сановной пары, путешествующей далеко от родины. С правого борта моряки спустили к причалу деревянные сходни, и когда пара со скрытым нетерпением подошла к борту, на набережной прозвучали звонкие аплодисменты.

Но двое долго не спускались на пристань. Восторг, который они испытывали, не позволял им вести себя свободно и решительно. Терпкий, соленый воздух игриво щекотал их лица. Легкий прибой плескался среди тинистых свай, добегая до ног ликующей публики. Громкие приветственные возгласы, раздающиеся на всех европейских языках, сливались с острыми криками чаек, кружащихся над галиотом. Птицы парили высоко над мачтами, дерзко тянулись выше и выше, а потом застывали в полете и, расправив крылья, медленно и самоуверенно планировали к воде.

Наконец из толпы вышел плечистый господин средних лет в тяжелой широкой карминной тоге, длинном белом парике и красной биретте. Он подошел к сходням, снял свой головной убор и, поклонившись, представился доброжелательным бархатным голосом:

– *Je m'appelle Francesco Pesaro. Bienvenus à Venise, Monsieur le Comte et Madame la Comtesse du Nord!*³

Был момент напряженной тишины. Венецианцы с волнением смотрели на гостей, надеясь произвести на них положительное впечатление. Граф сделал шаг вперед, и неожиданно тоже снял свою треуголку, и поклонился великому городу:

– *L'onore è tutto nostro, Serenissimi Signori!*⁴

Опять венецианцы взорвались аплодисментами, радуясь, что граф к ним обращается на их родном языке.

Граф с графиней сошли на сушу, и синьор Пезаро представил им свою полную рыжеволосую сестру Лауру, сопровождающую брата-холостяка на всех официальных приемах. Пезаро также представил паре своего самого близкого друга и коллегу синьора Джованни Гримани, занимающего должность *Savio della Terraferma*, то есть мудреца Материковой области.

¹ Все события и персонажи, описанные в этом романе, являются исторически достоверными, за исключением одного.

² *Peota* – роскошно разукрашенная венецианская лодка среднего размера с как минимум восемью гребцами, участвовавшая в регатах.

³ Меня зовут Франческо Пезаро. Добро пожаловать в Венецию, граф и графиня дю Нор!

⁴ Честь имеем, светлейшие господа!

Пока гости здоровались и обменивались комплиментами со знатными венецианцами, к пристани причалил еще один галиот, из которого сразу же выпрыгнули несколько лихих офицеров высокого ранга, но невысокого – как и сам граф – роста.

– *Voilà ma suite!*⁵ – воскликнул граф.

На палубу медленно вышли три высокие дамы в соболиных шубах изысканного фасона. Не оглядываясь, они осторожно подступили к борту и остановили строгие взоры на копошащейся на набережной толпе.

– Боже, какие красавицы! – прошептал один венецианец другому.

– Мне кажется, что я Парис. Но я не знаю, какую богиню выбрать! – ответил второй.

Офицеры поторопились к сходням и помогли дамам спуститься на сушу. Все это время не только венецианские мужчины, но и все венецианки не могли отвести глаз от этих трех иноземок, из мглы явившихся на их остров. Редко кто в Венеции встречал подобную красоту. Все в них было необычным: гладкая кожа, белая, как истрийский мрамор; радужки глаз, будто тающий иней, у одной – карие, у второй – зеленые, у третьей – лазоревые; осанка – горделивая, но сдержанная. Дамы чувствовали на себе любопытные, пристальные взгляды окружающих, но никак не реагировали. Они спокойно сели в узорчатый *фельце*⁶ предоставленной им гондолы, и длинное черное судно, развернувшись, ровно поплыло по направлению к гостинице в сопровождении парадных шлюпок и *неот*.

Впереди два коренастых гондольера ритмично продвигали гондолу, в которой сидели граф с графиней и синьор Пезаро с сестрой. Граф мало разговаривал. В отличие от своей супруги, которая усердно обсуждала последние французские моды с синьорой Лаурой, он предпочитал наслаждаться своими первыми впечатлениями о городе. Он постоянно выглядывал из окон *фельце*, любуясь, как счастливейший ребенок, загадочной живописностью бухты, а потом роскошными фасадами грандиозных палаццо, обрамляющих извилистый Большой канал. Синьор Пезаро старался вообразить ту далекую страну, из которой прибыли гости. Она ему казалась такой своеобразной и самобытной, что он даже не знал, как начать о ней разговор. Он никогда не встречал никого с того края земли, лишь изредка он слышал какие-то обобщенные мнения о том народе, сложившиеся у европейских дипломатов.

Однако граф дю Нор ему сразу понравился. Ему понравились чистосердечие и искренняя любознательность графа. Его очаровала спонтанная, даже инфантильная восторженность иностранца, особенно когда он высовывал из *фельце* свою маленькую голову и вдыхал прохладную влагу. Пезаро внимательно изучал черты молодого лица: его открытый высокий лоб, живые чуткие глаза, изящно причесанные светлые брови и милый приподнятый кончик носа. «Сколько же ему лет? – подумал Пезаро. – Двадцать шесть, двадцать восемь? Максимум тридцать? Ему все у нас кажется сказкой. Но так и должно быть. Все форестьеры у нас ощущают себя будто в сказке...»

Гондолы причалили к гостинице Леон Бьянко, расположенной в самом старом палаццо на Большом канале Ка'да Мосто, принадлежавшем в XV веке известному мореплавателю Алозиу да Мосто. В ярко освещенном византийском вестибюле синьора Лаура рассказала гостям, что первые два этажа палаццо были построены в конце XII века, а два верхних добавлены в XVII в.

– *C'est incroyable!*⁷ – протяжно произнес граф, с открытым ртом рассматривая сверкающие муранские люстры.

⁵ А вот и моя свита!

⁶ Кабина гондолы.

⁷ Изумительно!

Синьор Пезаро и его сестра тепло простились с супругами, пригласив их, разумеется, со всей свитой на бал, организованный в их честь в Казино де Филармоничи на площади Сан-Марко.

* * *

Проводив сестру домой, Пезаро тут же повелел своим гондольерам доставить его во Дворец дожей на заседание Совета десяти⁸.

По закону каждый венецианский чиновник был обязан доложить о любой, даже о самой случайной и незначительной, встрече с иностранным лицом. Даже Франческо Пезаро, занимающий важнейший пост прокуратора Сан-Марко (чин, по престижу уступающий только чину самого дожа), должен был отчитываться перед этим органом. Однако визит графа дю Нор долго и тщательно готовился во всех инстанциях Венецианского государства, так что Пезаро явился перед Советом не объясняться, а только рассказать о ходе дела. И поскольку речь шла не просто об очередном торжественном приеме кого-то из европейской знати, а о чем-то гораздо более важном, то Пезаро знал, что каждое его слово будет рассматриваться с особой серьезностью.

– Ну что? – машинально спросил гладкокожий семидесятидвухлетний дож Паоло Реньер, не дождавшись, пока Пезаро сядет напротив.

– Вроде все прошло хорошо, – ответил Пезаро, заметив, что остальные члены Совета смотрели на него ястребиными взглядами.

Зал Совета десяти находился на втором этаже Дворца дожей, между Золотой лестницей и Залом компаса. Он был сырым и печально-тусклым, несмотря на большие окна, пышную золотистую резьбу и красочные картины, украшающие потолок и стены. Окна выходили на Дворцовый канал и на мост-туннель, соединяющий Дворец со зданием на противоположной стороне канала, в котором размещались городские тюрьмы.

– Он что-нибудь сказал? – сухо продолжал Реньер, постоянно шурясь из-под своего *корно*⁹.

– Нет, но, по-моему, он все понимает.

– Как он себя вел?

– Непосредственно. Искренно.

– Про соседей не спрашивал?

– Ему это даже в голову не приходило.

– Сколько они у нас пробудут?

– Восемь-девять дней. До двадцать шестого, по-моему.

– Потом куда?

– На юг.

– Прием понравился?

– По-моему, да.

– Он вам что-нибудь подарил?

– Нет.

– А сестре Вашей?

– Ничего.

– Как вы считаете, какие у него намерения? – хриплым голосом спросил один пожилой член Совета.

– Пока трудно сказать. Но мне кажется, он думает о том же, о чем думаем и мы.

⁸ Совет государственной безопасности.

⁹ Головной убор дожа, имеющий форму рога.

– Вы ему, конечно, ни на что не намекали? – поинтересовался другой советник, сидящий на самом краю скамьи.

– Боже упаси! – повернулся к нему Пезаро. – Нет, все идет по плану. Сегодня вечером гости будут ужинать у меня, в Казино.

– Отлично, – кивнул Реньер.

– А Дураццо? – настороженно спросил Пезаро. – Он уже, конечно, дал о себе знать?

Члены Совета вздрогнули.

– Пока нет, – сосредоточенно ответил Реньер. – Но он в курсе событий и рано или поздно тут появится, если что-то заподозрит. В этом я не сомневаюсь.

– Может быть, стоит его тоже пригласить на банкет? – деликатно предложил Пезаро. – На бал-то он придет. Но, может, стоит пригласить и на банкет. По крайней мере ради приличия.

– Не надо. Он сам всплывет на поверхность, когда ему что-то понадобится. Ведь банкет ваш не имеет никакого дипломатического оттенка.

– Пожалуй, да. Однако в последнее время Дураццо все более и более лезет в чужую тарелку. И чем меньше ему накладываешь, тем больше он потом у тебя отбирает.

– Я знаю, Франческо, я знаю.

– Австрия все равно обо всем догадывается. Даже если мы...

– Не надо спешить, дорогой. Не надо. Сначала нам нужно прозондировать почву, посмотреть, какая реакция будет у... *графа*, – Реньер сделал акцент на этом титуле.

– Реакция у него будет положительная. А вот у Австрии...

– Да не волнуйтесь Вы об Австрии, Франческо! – Реньер пытался успокоить плечистого прокуратора. – Самое главное на сей момент – это создать нашим гостям хорошее настроение, пробудить в них благосклонность к Венеции. Поразвлекать их, полакомить. Побаловать, если надо. Вы же знаете, как это делается. Вы же специалист.

– Ну да, – Пезаро видел, как все члены Совета ему улыбались.

– А потом, когда Вы почувствуете их дружелюбие, то тогда можно отвести графа в сторону и вежливо намекнуть на нашу небольшую задумку.

– Да. Может быть, так будет лучше, – Пезаро встал и повернулся к выходу.

– Только, Франческо, я вас умоляю, – неровным голосом сказал Реньер, провожая Пезаро к дверям, – я Вас умоляю... позаботьтесь, чтобы никто в вашем окружении, кроме самых, самых приближенных, разумеется, не узнал, *кого* на самом деле мы тут принимаем.

– Не волнуйтесь, мой дорогой дож, – уверенно ответил Пезаро. – Все уже предусмотрено. Статус инкогнито наших гостей непроницаем!

– Я бы не хотел, чтобы получилось как тогда, с идиотом Мочениго и испанским инфантом. Я бы не хотел... да никто бы не хотел... первым делом сами гости, как вы понимаете. Не дай бог, Франческо, не дай бог, вся Европа узнает, что в Венецию прибыл престолонаследник Российской империи, великий князь Павел Романов!

2

– Если я не ошибаюсь, она чуть трапециобразна, – определил граф дю Нор, стоя у окна в банкетном зале Казино де Филармоничи, в здании Старых Прокураций, с умилением взирая вниз, на площадь Сан-Марко.

– Вы совершенно правы, Ваше Сиятельство! – энергично ответил прокуратор Пезаро.

Титулование «Ваше Сиятельство», конечно, резало слух цесаревичу, привыкшему, чтобы к нему обращались принятым «Ваше Императорское Высочество». Но так как он приехал в Венецию инкогнито, в качестве графа, то ему пришлось привыкать и к соответствующему титулованию, которое было, увы, ниже титулования Пезаро (в Венецианской Республике все патриции имели право избираться на высшую государственную должность дожа, следовательно, их титул соответствовал российскому «князь» или западноевропейскому «принц»).

Разговор шел на французском, на котором цесаревич редко говорил, потому что с женой Марией Федоровной, урожденной прусской принцессой фон Вюртемберг, с друзьями офицерами, да порой и с матушкой-императрицей он предпочитал разговаривать на любимом немецком – на языке порядка, Канта и военного дела. Только тогда, когда речь заходила о Вольтере и об энциклопедистах, цесаревич слегка наклонял голову набок, засасывал щеки и, скользнув язычком по небу, нырял в фонтан французской лексики.

– Я не знал, что на площади, рядом с кампанилой стоит Триумфальная арка, – удивился он. – Да и амфитеатр тоже неожиданное явление.

– Не только, мой искушенный наблюдатель, не только. Этот деревянный двухэтажный теремок, который вы видите справа, загораживающий церковь Сан-Джеминьяно, тоже был построен в вашу честь!

– Неужели?

– О, да!

– А что будет в амфитеатре? – прямодушно любопытствовал цесаревич, взглянув на Пезаро как избалованный, нетерпеливый мальчик, которому отец обещает новую игрушку. – То есть... гм-гм-гм... я бы хотел осведомиться, для каких мероприятий используется сей гениальнейший плод архитектурной фантазии?

– Сейчас, виноват, не могу Вам сказать. Но я вас уверяю, когда наступит положенный час, зрелище, которого Вы с супругой будете свидетелями, не оставит Вас равнодушными. Но давайте вернемся к столу, Ваше Сиятельство.

Стол был небольшим: по меркам Венецианского государства он, можно сказать, даже был интимным – на сорок человек. Подавали все, что водится в Адриатике и в землях Северной Италии: *сарды ин саор*¹⁰; нежнейшие *грансеолы*¹¹; омары, приготовленные на пару; запеченный окунь с восточными специями; тюрбо в расплавленном с петрушкой масле; пюре из вяленой трески, отваренной в молоке; каракатицы, поджаренные в собственных чернилах; ризотто из лангустов и кальмаров и ризотто из белых грибов; тонко нарезанное прошутто Сан-Даниэле; запеченные гусь и кролик с *мостардой*¹² и подливкой из сухого красного вина. Просекко, Соаве и Каберне лились каскадами.

Русские офицеры были одеты в атласные мундиры, на которых эполеты и звездообразные ордена сияли ярче самых драгоценных камней, украшающих зальные канделябры и жирандоли. С потолка громадные хрустальные люстры спускались к столу, как якоря на пир

¹⁰ Сардины, замаринованные в уксусе и луке.

¹¹ Венецианские крабы с длинными ножками.

¹² Соус из фруктов, маринованных в горчице и сиропе.

морских богов в глубине океана. Гул стоял такой, что все голуби от страха слетели с наружных подоконников и переместились на противоположную сторону площади, на балюстрады Новых Прокуратий.

Днем к цесаревичу присоединились его самые близкие товарищи: гофмейстер генерал-аншеф граф Николай Иванович Салтыков с супругой и граф Александр Борисович Куракин, агаист. Последний был ровесником престолонаследника и своим шальным поведением имел на него влияние, которое не всегда встречало одобрение у императрицы. Граф Салтыков, добропорядочный государственный муж, воевавший в Семилетней и в Русско-турецкой войнах, наоборот, вызывал у Екатерины глубокое почтение, за что ему было поручено присматривать за придворными, да и вообще за общим порядком путешествия.

Молодые русские дамы – жены высокопоставленных офицеров и незамужние фрейлины Марии Федоровны – были наряжены в разноцветные парчовые платья с узкими лифами и глубокими вырезами. Кожа их была настолько свежа и чиста, что они не нуждались в пудре – лишь тонкий слой розовой помады и румянец, вспыхивающий всякий раз, когда они ловили на себе взгляды венецианских мужчин, подчеркивали их нежные лица. Волосы их были зачесаны в букли, а у некоторых украшены кружевом или жемчугом, и шелковые ленты, завязанные бантом, ласкали их тонкие шеи.

Прокуратор Пезаро собрал Коллегию мудрецов. Расфранченные островитяне в коротких напудренных париках и в бархатных, отделанных бриллиантами жюстокорах внимательно прислушивались к рассказам гостей, стараясь представить русскую природу, ее стихии. Они пытались разгадать, каким чудом спустя всего восемьдесят лет после основания Санкт-Петербурга эта далекая, отсталая, никого не интересующая страна сумела высечь для себя такую уважаемую нишу среди ведущих мировых держав.

– С какой храбростью, с каким дерзновением ваш великий Суворов брал Козлуджи! – воодушевленно рассуждал синьор Бембо, мудрец обороны. – Это же был решающий удар по туркам. С того сражения они больше не поднимались! Да, давно военное искусство не имело такого стратега, давно Европа не ведала таких побед!

– Ваши добрые слова глубоко растрогали бы Александра Васильевича, если бы он сидел среди нас сейчас, – с поклоном ответил светлоглазый граф Салтыков. – К сожалению, наш генерал не смог приехать с нами. Он назначен военным губернатором Крыма.

– Англичане его сравнивают с Юлием Цезарем!

– Что Вы говорите! – Салтыков не мог этому поверить.

– Да-да. А маршал Ришелье считает, что нрав Суворова похлеще даже нрава самого «короля-Солнце». Это не я выдумал, господа. Это наш посол в Париже нам сообщил. Все дворы Европы ждут не дождутся, чтобы принять вашего генерала, – сказал мудрец Гримани.

– Вот это да! А он на самом деле такой скромный.

– Дни Османской империи сочтены! – изрек кто-то из венецианцев.

– Да никто не собирается их трогать, – улыбнулся Салтыков.

– Да ладно, граф.

– Нет, правда, друзья. Нам просто ноги хотелось помочить в теплом Черном море. Наше Балтийское-то такое холодное. Пятки мерзнут.

– Аха-ха-ха-ха! – венецианцы заливались смехом.

– Это правда, что у вас в России температура зимой падает до минус тридцати градусов? – спросила Лаура Пезаро.

– Нет, неправда, светлейшая синьора, – усмехнулся граф Куракин. – Температура у нас доходит до минус сорока градусов. А иногда и ниже.

– Аха-ха-ха-ха!

– Салюте!

– За будущие победы! – крикнул мудрец официальных церемоний, поднимая бокал.

– За светлое будущее Российской империи! – произнес Гримани.

После долгого молчания Салтыков вытер салфеткой губы и задумчиво сказал:

– А вы знаете, господа, что победа – это враг войны? Это сказал сам Суворов.

На мудреца Бембо, сидящего рядом с Салтыковым, эти слова как-то странно подействовали. Он тоже задумался, даже чуть нахмурился.

– Как это понять, Ваше Сиятельство? – спросил Бембо.

– Не знаю, что точно имел в виду полководец. Можно только предположить, что истинный солдат, воюющий всю жизнь за свое отечество, за свою историю, уже герой, уже победитель, независимо от победы или поражения на поле битвы. Вера в себя, в свой народ, это и есть самый великий триумф. Но часто, когда мы увлекаемся военными победами, мы это забываем.

– Браво! Браво! – захлопали венецианцы.

– Дорогие друзья! – привстал цесаревич с полным бокалом пенистого просекко. – Сколько же можно про войну? Ну сколько же можно?! Мы находимся в Светлейшей Венецианской Республике, в самой мирной, самой дружелюбной стране в мире. Уже больше шестидесяти лет королева Адриатики не держит меч в руках, избрав путь нейтралитета. Неужели мы будем весь вечер толковать о войне? Я предлагаю лучше выпить за ее мудрость, за ее выдержанность, за ее необыкновенный дипломатический дар! Вот где настоящий триумф! Салюте!

– Салюте!

– Королева без меча – это не королева, а служанка, – прошептал Бембо Салтыкову на ухо.

– А сейчас, дамы и господа, – громко объявил прокуратор Пезаро, почувствовав, что гости нуждаются в новом глотке веселья, – я бы хотел вас пригласить в соседний зал, где вас ждут музыка, танцы и очаровательная публика.

* * *

Когда отворили двери и русские вошли в импозантный балльный зал, их встретила оглушительная волна оваций. Тотчас заиграл оркестр, расположенный на ярусах, и со всех сторон раздались хлопки открывающихся бутылок шампанского. Но графа с графиней поразили не ослепительная декорация зала и не живая музыка, а то, что лица всех двухсот с лишним гостей были скрыты под масками.

– В Венеции сейчас карнавал! – отметила Лаура Пезаро. – Однако я вас предупреждаю, маски у нас носят не только во время карнавала. Они являются традиционной частью одежды.

Русским преподнесли на выбор разнообразные маски. Граф дю Нор выбрал разноцветную маску Арлекина, графиня взяла черную Моретту; Салтыков захотел изобразить Панталоне, а Куракин, предчувствуя, что вечер будет непростым, решил стать Доктором чумы, с длинным клювом.

– Ваше Сиятельство, – подошел Пезаро, – разрешите представить Вам нашего выдающегося драматурга Карло Гоцци.

Гоцци отвел в сторону свою маску на ручке и поклонился. Он был уже немолод, но его гладкое милое лицо излучало юношескую бодрость.

– О, Маэстро! – граф принял гордую позу. – Мы очень любим комедию дель арте.

– Какая честь, Ваше Сиятельство.

– Еще как! Импровизация – это наука, это изучение природы человеческой.

– Конечно!

– И я абсолютно с Вами согласен – новая драматургия пуста и неуклюжа по сравнению с комедией масок. Вы работаете с элементами бытия, вы извлекаете квинтэссенцию человека, а новая драматургия лишь показывает его наружность, его внешние условия.

Цесаревич любил философствовать с иностранцами.

– Очень Вам признателен, Ваше Сиятельство. Но, к сожалению, публику все больше и больше привлекают новые течения.

– Сегодня привлекают эти течения, завтра будут привлекать другие. А Ваши *фьябы*¹³ останутся вечными. К ним будут возвращаться и возвращаться. Они мифологичны!

– Да! – Гоцци был в восторге. – Вы меня так понимаете, граф. Вы в трех предложениях изложили больше, чем мне удалось за двадцать лет споров и публикаций на эту тему.

– А это, Ваше Сиятельство, – Пезаро продолжал представлять гостей, – мадам Изабелла Теотоки-Марин, супруга капитана Марина.

Граф замер, и графиня это заметила. Перед ним стояла, сняв свою пушистую маску, живое воплощение средиземноморской красоты: смуглая, с длинными темными кудрявыми волосами и большими черными глазами, молодая дама. Она избегала глаз графини. Граф видел, но старался не присматриваться, как грудь ее вздымалось в декольте. Целуя ей руку, он услышал слабый лавандовый аромат ее духов, и у него мурашки пробежали по спине, когда он взглядом смерил ее пышные формы.

– Жена моя – коренная гречанка, – сказал капитан Марин. – Мы поженились, когда я служил на венецианском острове Корфу.

– Ну, конечно, Греция! Там же все началось! Вся Европа! – граф не мог свести глаз с коралловых губ Изабеллы, и в тоже время чувствовал, как графиня дергала его за локоть.

– Изабелла держит литературный салон, тут у нас, прямо в палаццо, – сказал ее муж. – Она много читает.

Усатый капитан Марин выглядел узколобым офицером, и все русские определили, что его русалочка скоро нырнет обратно в море.

– И кого Вы там читаете, мадам, в Ваших Салониках? – деликатно спросил граф, не зная, на какой части ее тела остановить глаза.

– Простите, где, Ваше Сиятельство? – сконфуженно спросила Изабелла.

– В... – граф понял, что сказал что-то не то и слегка опешил, увидев, как уставилась на него вся его свита, – в... я имею в виду, в Вашем Соломинке?

– Где?

– То есть... в Вашем салоне литературном! – граф выпрямил спину.

– Мы читаем Гете, и Ларошфуко, и Шекспира.

– И что Вы скажете по поводу юного Вертера?

– Какая трагическая судьба! Как же можно отвергать такого чистого, тонкого, пылкого юношу?! – ответила Изабелла, прикусывая нижнюю губу.

– Ваше Сиятельство, – Пезаро появился в поле зрения графа, таким образом, отвлекая его от Изабеллы. – С нетерпением хочу Вам представить восходящую звезду европейской скульптуры, нашего дорогого Антонио Канову.

Графу пришлось сосредоточиться на молодом человеке, искавшем его внимания.

– О, ваятель! Интересно, очень интересно!

– Не просто ваятель, а ведущий экспонент неоклассицизма. Одухотворитель мрамора! Образец чистоты! Кульминация идеализма!

– Очень интересно, очень интересно, – продолжал граф, одним глазом следя за ускользающей Изабеллой.

¹³ Сказки.

– Это правда, Ваше Сиятельство, что вашу столицу все называют Балтийской Венецией? – спросил утонченный темноглазый красавец. – Это так?

– Ну... что-то общее есть, несомненно. Однако я еще не понял, что именно.

– Я представляю серо-розовую гранитную набережную на фоне блекло-голубого летнего, не темнеющего ночью неба. Должно быть, дивное зрелище!

– У Вас отличное воображение, мой друг. Вот мы скоро собираемся строить дворец подле столицы, именно в вашем стиле. Я уже видел эскизы. Мне кажется, ваши изящные скульптуры очень бы подошли для интерьера этого дворца. Правда, дорогая? – граф обратился к супруге, которая охотно ему кивнула. – Вы бы не смогли исполнить пару заказов? С разрешения нашего почтеннейшего прокуратора, разумеется.

– Превосходная идея! – одновременно воскликнули Пезаро и Канова.

– Может быть, ваши работы на какие-нибудь древнегреческие мотивы могли бы... я имею в виду... – глаза графа блуждали по залу.

Все больше и больше гостей подходило знакомиться с графом и графиней дю Нор, признаваясь, что они знали Россию поверхностно, только по книгам. Графская свита тоже наслаждалась вниманием галантных венецианцев, и граф Куракин, опустошив бокал шампанского и закусив душистым трюфелем, уже приглашал известную писательницу, овдовевшую графиню Орсини ди Розенберг, станцевать коротенький менуэт. Пезаро чувствовал, что русские постепенно забывали, что они иностранцы в чужом городе и что та прозрачная стена, которая обычно препятствует сближению приезжих с местными, быстро распадалась. И это его очень радовало.

Вдруг перед графом дю Нор появилась высокая фигура в черном *табарро*, *трикорно* и в белой *ларве*¹⁴, правой рукой опираясь на трость с серебристым набалдашником.

– Позвольте представиться, Ваше Императорское Высочество, – глубоким баритоном произнесла фигура на русском языке, грозно возвышаясь над графом, как кампанिला Сан-Марко.

Граф окаменел от ужаса. Никто не должен был так обращаться к нему; никто не должен был знать, что он великий князь Всероссийский. Страшным было также и то, что этот неизвестный человек говорил по-русски, дерзко, вызываяюще, не удосужившись даже снять свою маску, как до него это делали все остальные гости, знакомясь с графом. Ведь никто из венецианцев пока не говорил с ним по-русски. Граф молчал, и публика почувствовала что-то неладное. Пезаро заметался, не поняв, к счастью, как и все венецианцы, что к русскому гостю обратились, как обращаются к великому князю. Музыканты мгновенно прекратили играть. Воцарилась длинная, пронзительная тишина. Русские офицеры, опасаясь покушения на цесаревича, бросились его защищать. Но тут престолонаследник, набравшись смелости, раздвинул своих защитников, вышел из круга охраны и подошел к человеку в черном.

– Как Вас зовут, милостивый государь мой? – спросил он по-русски спокойным тоном.

Человек наконец снял свою *бауту*¹⁵, и граф увидел тощее усталое лицо цвета золы с темными проникновенными глазами, орлиным носом, осунувшимися щеками и тонкими, высохшими губами. Мужчине было лет под шестьдесят, но, несмотря на свой поблекший вид, он еще обладал немалой силой. У него были крепкие ноги и массивная грудь, на которой сиял орден Золотой шпоры. Придерживая одной рукой свой серый парик, он выставил правую ногу и низко поклонился, треуголкой коснувшись кончика блестящей туфли.

– Ваш покорнейший слуга, Джакомо Джироламо Казанова.

¹⁴ Табарро – широкий плащ, трикорно – треуголка, ларва – маска с выступающей остроконечной нижней частью, оставляющей рот и подбородок открытыми.

¹⁵ Общее название костюма, состоящего из трикорно, ларвы и табарро.

3

– Казанова? – граф задумался, рассматривая мальтийский крест на груди венецианца. – И откуда Вы так хорошо говорите по-русски?

– Хорошо? – Казанова зажмурился.

– Очень даже.

Казанова долго молчал, что-то прикидывая в уме, а потом сказал по-французски:

– Простите, Ваше Сиятельство. Это единственное предложение, которое я помню на русском языке.

На лице высокого венецианца засияла неотразимая улыбка, и напряжение замершей публики развеялось. Граф понял, что Казанова ловко придумал тот словесный трюк, зная, что никто из местных жителей не говорит по-русски. Пезаро, вздохнув с облегчением, подошел поближе к Казанове, чтобы услышать, о чем идет речь.

– Вы сказали, «помните»? – граф тоже перешел на французский. – Значит, Вы когда-то знали русский язык?

– О, нет. К сожалению, я так и не смог выучить ваш замечательный язык. Однако это предложение я помню отлично, потому что именно с ним я имел честь обратиться к Вам в Санкт-Петербурге ровно 17 лет назад.

– Что?! – граф изумился, как и все русские, снявшие свои маски и вытаращившие глаза. – Вы были в России?

Венецианцы тоже приблизились к Казанове из любопытства.

– Не только побывал, Ваше Сиятельство, но и имел честь общаться с выдающимися представителями вашего общества.

– Что Вы говорите?

– Да-да. Я прекрасно помню барона Лефорта – сына знаменитого адмирала, служившего при Петре Великом. Я помню министра Григория Николаевича Теплова, а также князя Николая Васильевича Репнина – полномочного посла в Польше.

– О!

– А еще я помню обер-шталмейстера Льва Нарышкина, отличного охотника. И как можно забыть великолепную княгиню Дашкову, наизусть знавшую все произведения Монтескье. И, надеюсь, Вы простите мою нескромность, я пользовался симпатией великого графа Алексея Григорьевича Орлова, которого встретил вновь в 1770 году, когда его флотилия стояла в Ливорно у Тосканского побережья.

– Неужели? – цесаревич прищурил глаза, рассматривая густые брови своего собеседника.

– И, конечно, Ваше Сиятельство, я никогда не забуду милейшего, умнейшего графа Никиту Ивановича Панина.

Цесаревич опять застыл в испуге, но по добродушно-лукавой улыбке Казановы понял, что тот продолжает тайно иронизировать над его статусом инкогнито. Никита Иванович Панин когда-то был наставником цесаревича и употреблял самые строгие меры для его воспитания, настолько строгие, что юный престолонаследник иногда боялся произнести слово без позволения своего воспитателя. Но никто в зале, кроме, пожалуй, Салтыкова, этого не знал, и графу понравилась та обаятельная смелость, с которой Казанова пытался завоевать сердца русских гостей.

– Очень интересно. И что Вы еще нам можете рассказать?

– Именно граф Панин представил меня великой самодержице.

– Да что вы!

– Это было осенью 65-го, незадолго до моего отъезда, в Дворцовом саду Царского села, под чудным безоблачным русским небом.

– И о чем Вы с ней, если не секрет, разговаривали под тем... безоблачным небом?

Русские внимательно смотрели на Казанову. Салтыков и Куракин изучали каждый его слог. Мария Федоровна и ее фрейлины не могли поверить, как искусно и храбро Казанова разговаривает с цесаревичем.

– Сначала августейшая императрица поддержала мое мнение по поводу статуй, стоявших в саду.

– А именно?

– Ну, Ваше Сиятельство, как Вам сказать, мне они показались какими-то громоздкими, грубыми, не соответствующими грациозной осанке самой скипетроносицы.

– Да, согласен. Это проблему мы уже решили, – цесаревич посмотрел на Антонио Канову. – А потом?

– А потом мы заговорили о различиях в наших календарях. Я старался понять, почему Россия все еще живет по старому стилю. И тут величайшая царица проявила свою бесподобную мудрость, сказав, что ей не было бы так легко провести календарную реформу, как это было папе Григорию в XVI веке, потому что православная церковь все еще очень привязана к своим древним обычаям. Ведь в те одиннадцать дней, которые ей пришлось бы вычеркнуть из календаря, русские чествуют множество святых. Все европейские государства, сказала она, имеют свои обычаи, от которых было бы очень больно отказаться, в том числе и Венеция. В Венеции, например, год до сих пор начинается, даже по григорианскому календарю, с 1 марта. Это же не мешает Венеции взаимодействовать с другими странами.

– Нет, конечно, – подтвердил граф.

– Более того, Ее Императорское Величество знала, что в Венеции день начинается после заката.

– Простите? – поднял брови граф Куракин.

– *Certamente.*

– А как же Вы тогда...

– Это и есть то уважение к древним традициям, на котором настаивала императрица. Таким образом, она меня убедила, что, пока общество живет определенными обычаями, ни в коем случае их нельзя искоренять, даже если они являются чуть старомодными.

– Виноват, не понял, – с недоумением признался Куракин. – Вы хотите сказать, что сейчас день? А днем будет ночь?

– Нет, сейчас ночь. Общий день начинается, когда начинается ночь. А сейчас ночь, и какая глубокая!

– Ничего не понимаю, – Куракин взглянул на длинный клюв своей маски. – То есть как... то есть, когда же вы тогда, позвольте спросить, спите тут в Венеции?

– О, в Венеции так весело, что у нас нет времени спать! – Казанова попросил бокал шампанского.

Зная непредсказуемый характер Казановы, Пезаро опять заволновался, что тот ляпнет что-нибудь неблагоприятное. Но когда он увидел, с каким глубоким интересом русские прислушиваются к рассказам Казановы, он приятно удивился, и волнения его исчезли. Глаза Марии Федоровны безуданно моргали, и ее пухленькие щечки покрылись краской. Граф дю Нор тоже попросил бокал шипучки, пока Салтыков тщательно объяснял что-то на ухо озадаченному Куракину, как учитель нерадивому ученику.

– А что Вы еще видели в России? – с любопытством спросила графиня дю Нор.

– Я помню, как в начале лета никто ночью свечей не зажигал, поскольку небо оставалось светлым, и, чтобы понять, наступила ли ночь, из Петропавловской крепости раздавался пушечный выстрел.

– Изумительно! – крикнул Канова, высовываясь из толпы.

– Я помню, – продолжал Казанова, – как однажды зимой, и какой зимой, мои изнеженные венецианские ушки аж окостенели, один поп крестил младенца в ледяной Неве. Во льду прорубили дыру, и поп, держа младенца, как Ахилла, за пятку, макал его в реку.

– Ах! – вскрикнул кто-то из венецианцев.

– Да, детей у нас рано закаляют, – сказал Салтыков.

– А потом я помню Москву. Ах... красавица Москва! Сколько церквей! Сколько колоколов! И все неподвижны. То есть, когда они звонят, они не качаются, как у нас, – глаза Казановы зажглись от воспоминаний. – О, Москва! Вот это настоящая Русь! Сколько щедрости, сколько набожности, сколько глубины человеческой! И сколько соперничества, Ваше Сиятельство, между москвичами и петербуржцами.

– Да, да, к сожалению, это есть, – вздохнул граф дю Нор.

– Ничего, ничего. От диалектики страна только богаче становится.

– Тоже верно.

– А какие чудесные ваши православные службы! Я целыми днями стоял в московских церквях. В буквальном смысле.

– Ха-ха-ха! – засмеялись русские.

– Нет, так и надо. Так и надо. Перед Богом надо чуть поднатужиться. Мы, католики, уж слишком удобно располагаемся на наших скамьях. Уж слишком снисходителен наш Папа Римский.

– А Вы не можете объяснить, Ваше Благородие, – педантично спросила жена Салтыкова, поняв по чрезмерной услужливости Казановы, что титул его был ниже графского, – почему католики крестятся слева направо?

Венецианцы и русские посмотрели друг на друга с живым интересом.

– Это очень просто, сударыня, – Казанова повертел своей тростью, довольный титулованием, с которым к нему обратилась русская графиня. – Дело тут лингвистическое. Как все знают, православная литургия – это греческая литургия. Вы креститесь, произнося греческие слова «агион пневма», а мы латинские «*спиритус санктус*». У вас сначала ставится прилагательное «святой», а потом существительное «дух». А у нас наоборот: сначала существительное, а потом прилагательное. Следовательно, и порядок крестного знамения вы начинаете с правого плеча и переходите на левое, а мы с левого на правое, то есть, вы идете с востока на запад, а мы с запада на восток.

– Браво! – захлопала графиня дю Нор.

– А почему именно левое плечо, – занудно упорствовала жена Салтыкова, – отождествляется с духом, а правое – с его атрибутом?

– Отличный вопрос! – Казанова взмахнул плащом. – Однако не смею разглашать такие глубокие теологические тайны. Лучше спросить батюшку Феодосия, настоятеля Греческой православной церкви Святого Георгия, тут у нас, в сестьере Кастелло.

– Православная церковь? – заинтересовался граф дю Нор. – У вас есть православная церковь?

– Да. Основана в XVI веке греками, чьи предки бежали из Константинополя после его захвата турками. Если Ваше Сиятельство изволит, завтра можно *подгондолить* к утрене.

– Отменная идея, синьор Казанова! И если нам позволит наш почтеннейший прокуратор, то я хотел бы попросить Вас возглавить нашу экскурсию.

Цесаревич не только начал питать симпатию к этому красноречивому и эксцентричному венецианцу, он также понимал, что такую лисицу, как Казанова, лучше держать поближе к себе, чем подальше. А то черт знает какой номер он, обидевшись, может выкинуть.

– Конечно, – со скрытой неуверенностью ответил Пезаро, с укоризной поглядывая на Казанову, который, прекрасно уразумев характер этого взгляда, ответил Пезаро саркастической улыбкой.

– Ничего не понимаю, – прошептал Куракин Салтыкову, слегка пошатываясь и клювом маски почесывая свой затылок.

– Я приму Ваше предложение, Ваше Сиятельство, но только при одном условии, – твердо и торжественно сказал Казанова.

– Условие? – насторожился цесаревич. – Какое же это условие?

– Я приму Ваше предложение, только если Вы представите меня этим трем восхитительным грациям, скрывающимся за спиной вашей супруги.

Венецианцы сделали шаг вперед, поближе к русским. Антонио Канова искал самый выгодный ракурс, чтобы лучше понять, о каких именно грациях говорил Казанова, поскольку в графской свите пребывало пять-шесть дам. У схватившегося за голову Мудреца Гримани глаза полезли на лоб.

– А... эти грации, – граф дю Нор неохотно повернулся к трем девушкам, мягко, но самоуверенно улыбавшимся позади графини.

Островитяне зашептались, и скоро выяснилось, что грации, о которых говорил Казанова, были те три дамы в черных соболях, гордо сошедшие с причалившего судна минувшим утром. Венецианские мужчины тут же поправили свои парики, а женщины вытащили лорнеты. Даже музыканты спустились с ярусов и прошаркали в сторону русских. Зал горел нетерпением услышать голоса этих трех молодых красавиц.

– Перед тем как я Вас им представлю, синьор Казанова, разрешите сначала представить вам гофмейстерину графиню Анну Юлиану Бенкендорф, супругу графа Христофора Ивановича. Мадам Бенкендорф заведует фрейлинским штатом.

– Аншанте, мадам, – Казанова осторожно поцеловал ей руку, стараясь не всматриваться в ее суровое, неулыбчивое лицо.

– А тут, да, хм-м... – промямлил цесаревич, важно поглядывая на трех красавиц. – Эти три грации – выпускницы Смольного института благородных девиц, основанного самой императрицей сразу после вступления на престол. Начиная слева, – он подвел к ним Казанову, – мадемуазель Екатерина Ивановна Нелидова, дочь поручика графа Ивана Дмитриевича Нелидова.

– Аншанте, мадемуазель, – Казанова поцеловал ей руку, наблюдая, как она переводила взгляд то на него, то на цесаревича.

– А это мадам Наталья Семеновна Борщова, супруга статского советника графа Клавдия Семеновича Мусина-Пушкина.

– Аншанте, мадам, – Казанова губами коснулся руки второй дамы, чей непроницаемый взор устремился ввысь.

– Наши выпускницы окончили институт с отличием, синьор Казанова, с золотой медалью первой величины.

– Я не сомневаюсь, Ваше Сиятельство. Вся Европа знает об этом первоклассном учебном заведении.

– В него поступают девушки не старше шестилетнего возраста и остаются там как минимум двенадцать лет. И родители не имеют права ни под каким предлогом забирать своих дочерей из института до истечения срока.

– Какая строгость, Ваше Сиятельство!

– Но в институте учатся не только дворянские девушки. Через год после его основания императрица решила открыть отделение и для девиц из мещанских семей. Потому что знания, считает императрица, должны распространяться по всем сословиям общества.

– Я с вами абсолютно согласен, Ваше Сиятельство. По всем сословиям! – Казанова повернулся и томно улыбнулся всем присутствующим венецианкам.

– Дать всем своим гражданам образование – это долг государя!

– Конечно!

– Вот так, мой дорогой синьор Казанова.

– Да.

– Вот так...

– И...

– Что?

Казанова заметил, что граф тянул представление третьей девушки, уж слишком увлекшись описанием института.

– А...

– Простите?

– То есть...

– Не понял.

– Ну, а как же...

– Ах! Да-да-да. Наша третья выпускница. Это мадемуазель Александра Алексеевна Снежинская, дочь великого петербургского ученого, барона Алексея Николаевича Снежинского.

– Аншанте, мадемуазель, – Казанова взял руку Александры, но долго не прикасался к ней губами, рассматривая ее смысленные лазерные глаза.

Ее блондинистые локоны падали почти до плеч, окаймляя высокие скулы. Носик – тонкий, пикантный, изваянный до совершенства – порождал ощущение невинного детского ликования, а полные розовые губы говорили о чувственной щедрости ее натуры. Вдыхая нежную свежесть ее расцветающей плоти и изучая ее горящий, пытливый взгляд, Казанова почувствовал смутную волну ностальгии, бьющуюся в груди, уносящую его в далекое море своей молодости. Потеряв ощущение почвы под ногами, он застыл, и на секунду ему стало стыдно и страшно: стыдно, потому что он глупо изображал из себя того человека, которым уже давно не являлся; страшно, потому что он наконец почувствовал, как никогда раньше, свои иссыхающие, черствеющие годы, стремящиеся все быстрее и быстрее в безотрадную, глухую тьму.

– Месье? – деликатно сказала Александра, не понимая, почему Казанова все еще держал, не поцеловав, ее руку.

– Мадемуазель, – Казанова наконец отпустил руку и повернулся к графу дю Нор.

Все в зале видели, что Казанова не коснулся губами руки третьей грации, а только сделал жест поцелуя. Венецианки зашушукались. Графская свита зашуршала в недоумении. Нелидова и Борщева засуетились вокруг Александры, поняв, что она произвела на Казанову особое впечатление.

– А почему стало так тихо, уважаемый прокуратор? – громко и триумфально обратился к Пезаро граф дю Нор. – Где же музыка?

Пезаро тут же рукой дал команду музыкантам. Те быстро вернулись на свои места и заиграли менуэт. Мелодия полилась бойко и звучно. Публика рассеялась. Снова захлопали пробки шампанского. Бокалы запенились. Все вновь надели свои маски и образовали танцевальный круг в середине зала. Обрадовавшись, что все обошлось без шероховатостей, Пезаро повел графа и графиню дю Нор к этому открывающемуся для них кругу.

– *Wollen wir ein wenig tanzen, meine Liebste?*¹⁶ – спросил граф супругу.

Белая *ларва* исчезла в толпе.

¹⁶ А не поплясать ли нам маленько, дорогая? (нем.).

4

Церковь Сан-Джорджо деи Гречи находилась в сестьере Каstellо, считающемся самым древним районом города. В начале Чинквеченто папа Лев X, стараясь объединить западное и восточное христианство, разрешил грекам, бежавшим из покоренной турками Византии в Венецию, сохранить православный обряд и построить себе там храм. Возвели они его недалеко от церкви Сан-Заккария, хранящей мощи святого Захария, отца Иоанна Крестителя.

День оказался сырым и серым. Тучи висели низко, и стоячий воздух погружал город в вялый сон. Темная роза узкого фасада деи Гречи смотрела на изящную белую колокольню, которая слегка наклонялась к каналу. Русские гости, как и все прихожане, посещающие святилище в первый раз, побаивались стоять возле нее, ибо им казалось, что тяготеющее к воде строение могло в любой момент рухнуть вниз.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, Ваше Сиятельство, но, по-моему, Византия очень повлияла на историю России? – спросил прокуратор Пезаро, когда все вышли из церкви, ласково распроставшись с брюшковатым кудрявым настоятелем, батюшкой Феодосием.

– О, еще как, Ваше Высочество! Византия – это наш фундамент!

– Как и для Венеции.

– Правда?

– Да. Ведь в первое время своего существования, а именно в VI веке, когда византийский император Юстиниан отвоевал большую часть италийского полуострова у остготов, то, что мы сегодня зовем Венецией, вошло в общую территорию Византийской империи. Даже спустя двести лет, после того как венецианцы основали свое автономное государство, эта маленькая, новорожденная нация оставалась предана великой империи и долго от нее зависела.

– Но ведь вы же разгромили и разорили наш православный Константинополь во время Четвертого крестового похода! – рывкнула графиня Салтыкова с такой неудержанной желчью, что аж сама покраснела от неожиданного порыва эмоций.

– Дорогая, ну что ты так, – супруг неуклюже обнял ее, стесняясь перед венецианцами. – Простите ее, господа. Ради бога. Голубка моя очень плохо переносит эту погоду.

– О, просить прощения вовсе не нужно, граф Салтыков, – в разговор вступил Казанова, тростью отгоняя назойливых голубей. – Уж слишком много недоразумений существует вокруг этого эпизода. В первую очередь я хочу всем напомнить, что до великой схизмы 1054 года христианство было единым, несмотря на греческие обряды на Востоке и латинские на Западе. Конфликт касался лишь верхов римского и константинопольского духовенства, а не простых верующих.

– Венеция, кстати, всегда проводила четкую границу между сферой религиозной и сферой политической, – добавил Пезаро.

– А во-вторых, – Казанова выпрямил хвостик своего парика, ведя делегацию по узкой Салита Гречи, – Четвертый крестовый поход, возглавляемый дожем Энрико Дандоло в 1204 году, вовсе не имел цель разрушить Константинополь. Первоначальная цель крестоносцев была освободить Иерусалим от мусульман. Эта трагедия произошла случайно, она была последствием внутреннего переворота. Латинцев попросили вернуть низложенного императора на престол, обещая, разумеется, приличное вознаграждение. К несчастью, после того как латинцы выполнили свои обязательства, византийцы не сдержали свое обещание и не дали латинцам то, что им полагалось. Только тогда те начали брать, не спрашивая.

– Интересно. Очень интересно, – сказал цесаревич, не ожидая от Казановой такой эрудиции.

Пезаро тоже посмотрел на своего соотечественника с удивлением.

– Но дело никогда не шло о религии.

– Я не сомневаюсь, – сказал граф Куракин. – Венеция считается самой толерантной державой в мире.

– Венеция старается развивать отношения с представителями всех конфессий, – отметил Пезаро, опережая Казанову. – Мы убеждены, что Бог после сотворения мира решил его оставить свободным, не вмешиваясь в течение земных событий.

– Деизм! – обрадовался цесаревич, заметив с моста, как постепенно начинали концентрироваться водяные пары. – У нас Ломоносов был деистом. О, феноменальная натура! Равных ему нет. Как же его потом Синод достал за это вольнодумство.

– Да, но, к счастью, ваши монархи, – сказал Пезаро, – по крайней мере нынешняя императрица, являются просвещенными монархами и знают, где должно кончаться влияния церкви.

– Несомненно, просвещенная монархия – это наилучший политический строй. Я не люблю никакую гомогенизацию, предпочитая, чтобы сливки поднимались ввысь! – по-ребячьи улыбнулся Казанова, наблюдая реакцию дам. – Но, к сожалению, не все монархи будут просвещенными.

– Почему?

– Потому что человек не слушает то, что говорит ему его разум. Он поступает так, как диктует ему совокупность его эмоций – его душа. А в этой области, разумеется, мы все очень разные.

– Не знаю, синьор Казанова, не знаю, – цесаревич спустился с моста, но одну ногу оставил на нижней ступени. – По-моему, разум учит человека быть порядочным, внимательным, он побуждает его к гражданской ответственности.

– О, если было бы так, Ваше Сиятельство. Если было бы так...

– Так и есть.

– Вы сейчас сказали, «учит человека быть порядочным».

– А разве нет?

– Это тот же самый разговор, который я когда-то вел с месье Вольтером.

– Что?! – восторженно вскрикнули русские.

– Это тот же самый разговор, – повторил Казанова, насторожившись, – который я когда-то вел с месье Вольтером.

– Что?! – воскликнули гости еще громче.

Казанова попятился назад, испугавшись и не поняв, почему вся русская делегация вдруг хлынула на него и прижала к парапету так, что он едва не перевернулся и не упал в канал.

– Я не понял... простите... я что-то не то сказал?

Русские, особенно дамы, пожирали его выпученными глазами. Даже Пезаро испугался этого внезапного возбуждения.

– Вы... Вы... Вы знали Вольтера? – спросил маленький цесаревич, проталкиваясь вперед из свиты. – Франсуа Мари Аруэ?

– Да.

– Это же... это же... просто невероятно! – томно вздохнула к небу мадемуазель Нелидова.

– О, Кандид, мое очарование! – млела мадам Борщова.

– То есть... то есть вы его видели? – растерялся Куракин. – Воочию?

– Да, граф, – Казанова перевел дух.

– Не может быть. Просто не может быть, – качала головой графиня дю Нор.

– Клянусь вам, господа.

– Ну-ну, расскажите тогда, – цесаревич чуть не подпрыгнул, не зная, куда девать свои руки. – Где же это было? В Париже? В Лондоне? Или, может быть, месье Вольтер побывал в Венеции? Поделитесь. *Avanti!*¹⁷

– Нет, это было в Швейцарии, в его имении под названием Отрадное. Мы толковали о разуме, о суеверии, обо всем противоречивом в человеческой натуре.

– Вы не представляете, синьор Казанова, что значит Вольтер для России, – призналась мадам Борщова. – Наша императрица с ним вела переписку до самой его смерти. Она только что купила его библиотеку. Семь тысяч книг нам доставили в Петербург. Семь тысяч!

– И... и... что же он сказал вам? – Нелидова чуть не обняла Казанову от восхищения.

– Ну, в двух словах, месье Вольтер считал, что, если человек освободится от всех своих предрассудков и предубеждений, если он увидит логическую связь между мировыми явлениями, он сможет построить счастливое и справедливое общество.

– Это же весьма положительно, – сказал цесаревич. – Сколько ошибок совершает человек именно потому, что он что-то до конца не знает или не понимает.

– Несомненно, Ваше Сиятельство. Знания, безусловно, помогают человеку лучше организовать свою среду, улучшить свой быт. Но помогают ли они ему улучшить самого себя? Вот тут я не уверен.

– А почему же и нет? – спросил Салтыков.

– До какой степени влияют знания на нашу натуру? Могут ли знания поменять ту совокупность наших эмоций? А нравственность? Я думаю, что знания человека не способны воздействовать на его нравственный склад. Ведь сколько примеров мы видим в истории, когда люди и общества самых, казалось бы, поразительных нравственных убеждений, совершали в прямом или косвенном смысле преступления против человека, против его свободы, достоинства и жизни. Почему? Потому что мораль, постигнутая разумом, в тот момент не смогла удержать порыв страстей, не смогла остановить экстремальную необходимость удовлетворить человеческое желание.

Цесаревич видел, как туман все гуще и гуще скапливается вокруг моста.

– И что сказал Вольтер? Что сказал Вольтер? – Нелидова кипела от нетерпения.

Но Казанова взглянул не на нее, а на Александру, чье лицо розовело от холодного воздуха.

– Вольтер, несмотря на свои несравненные философские проникновения и на благородное стремление защитить права людей, как-то не понимал, что наш характер и наши убеждения основываются не на знаниях, приобретенных чтением, учениями и рациональным мышлением, а на нашем самоощущении, сформированном частично нашим врожденным умственным складом, частично – жизненными обстоятельствами.

– То есть вы с ним спорили? – взволновалась графиня Салтыкова, надеясь отыскать какую-нибудь интригу в рассказах Казановы.

– Еще как, сударыня! Мы всю деревню разбудили!

– Ах! – русские женщины руками прикрыли свои рты.

– Я ему хотел доказать, что рациональная сторона нашего сознания бессильна против иррациональной. Сколько образования не предоставляй уму, человек все равно будет действовать по своим внутренним убеждениям. Скажи верующему, что Бога нет, что Он лишь плод нашей отчаянной фантазии, тот все равно будет верить в Бога, потому что ему надо верить. А скажи атеисту, что, даже если разумом мы не можем понять Бога, это не значит, что Его нет, тот все равно будет отрицать существование Бога. Ведь убеждение атеиста состоит в том, что то, что нельзя понять умом, не может существовать. Но это же тоже вера: атеист тоже не в силах доказать, что то, что умом не понять, не существует.

¹⁷ Вперед!

– И кто победил в вашем споре? – тряслась Нелидова.

– О, мадемуазель, джентльмены не спорят, чтобы побеждать. Сам Вольтер говорил: «Может быть, я не согласен с вашим мнением, но я буду бороться до гробовой доски, чтобы вы имели право его высказать».

– Он также сказал, что если бы Бога не было, Его следовало бы выдумать, – печально отметил граф Салтыков. – И это, господа, очень пугает.

Компания спустилась с моста и сквозь сгущающийся туман направилась в сторону Арсенала. Цесаревич заметил, как спокойно и непринужденно прокуратор Пезаро, занимающий второй по важности чин в Светлейшей Республике, шел по простонародному кварталу. Его сопровождало всего два охранника, и то они шли где-то в задней части процессии, не очень волнуясь о его безопасности. Деловитые резвые горожане останавливались и кланялись Пезаро, который отвечал простыми жестами признательности и благожелательности. Русские поражались этой межсословной близости. Как так можно, думали они, что такой высокопоставленный представитель государства так неформально ведет себя с народом?

После нескольких шагов цесаревич очутился в плотном тумане, не видя ничего, кроме белого густого пара.

– А куда, собственно говоря, – спросил он, – мы направляемся, Ваше Высочество?

– К Арсеналу, Ваше Сиятельство, – непонятно откуда раздался голос прокуратора. – Мы хотим Вам показать, где строится наш флот.

– Где я? – крикнул кто-то.

– Я ничего не вижу! – добавил другой голос.

– Не волнуйтесь, дамы и господа, – Пезаро утешал гостей. – Туман сейчас рассеется.

– Я боюсь! Где все?

– Пожалуйста, не бойтесь, мадам.

– Ого!

– *Incroyable!*

– *Venezia, ti amo!*¹⁸

– Мне страшно!

– Все будет хорошо.

– Боже, какая красота!

– Как во сне!

– Ничего не видно. Ничего!

– Ой!

– Пашонок, *wo bist Du?*¹⁹

– Цыц!

– Ваше Сиятельство, это Вы?

– Это Куракин.

– Ужас! Как отсюда выйти?

– Да зачем выходить?

– А Арсенал еще далеко?

– Ну, как Вам сказать...

– Я хочу в гостиницу.

– Сейчас, моя милая, сейчас. Не бойся.

– Вот это да...

Казанова случайно стукнулся головой, входя в низкую арку и сразу понял, где он находится: в соттопортего деи Прети. В конце длинного, удушливого пространства стало светлее.

¹⁸ Венеция, я тебя люблю.

¹⁹ Где ты?

Наклонив голову, он пошел туда, зная, что выйдя из этого соттопортего и завернув направо, окажется на кампо Брагора. Он вышел и сквозь редящийся пар увидел лицо. Женское лицо. Лицо Александры. Она была одна. Его охватило замешательство. Он оцепенел. Она поняла, что он опять комплексует, и он понял, что она это видит. Она улыбнулась.

– А как вы тут оказались, мадемуазель?

– Не знаю.

– Не беспокойтесь. Туман сейчас пройдет.

Он сделал шаг вперед, не зная, какое расстояние лучше установить между ними.

– Я не беспокоюсь, месье.

На лице у нее мелькнул след блаженства. Казанова подошел поближе, стараясь не опираться на трость, чтобы не показаться слишком старым.

– Мне нравится эта погода, месье.

– Правда?

– Очень даже.

Она любовалась его смущенными глазами, пока где-то, далеко, не понятно откуда, продолжали звучать возгласы затерявшейся свиты.

– Даже вся эта сырость и влага?

Казанова не помнил, когда в последний раз он так близко стоял перед молодой красавицей – ей было всего двадцать два, максимум двадцать три года.

– Мне хорошо в вашем городе, – она крепко прижала муфту к шубе.

Клубки серого пара проплывали между ними, окутывая их лица. Сверху захлопнулись ставни и беззвучно пролетела чайка, сложив свои мощные крылья. Ощущение таинственного уединения нарастало в них обоих. У Казановы стал заплетаться язык и сильно забилося сердце. Он старался не всматриваться в ее глаза. Но не мог. Несмотря на холод и туман, в них он видел голубое солнечное небо.

– Как бы я хотела заблудиться здесь. И никогда больше не выйти. Я никогда так легко, так свободно не чувствовала себя, как сейчас.

– Да, как ни парадоксально, в тумане все становится ясно.

– Ясно?

– Ну... как сказать... все как-то сгущается, пространство между предметами заполняется. Вещи сливаются.

– Туман как соединяющая сила? – она сказала тихо, скорее про себя, чем вслух.

– Именно так, – Казанова тростью рисовал в тумане контуры каких-то непонятных фигур.

– Все есть вода, как некогда сказал Фалес? – промолвила она.

– Пожалуй, да.

«Неплохо барышня знает древнегреческих философов», – подумал он.

– Особенно в Венеции. Сверху – водяной газ, снизу – жидкость.

– А иногда бухта замерзает, и по ледяной тверди можно от Дворца дождей дойти до церкви Сан-Джорджо Маджоре, или даже до Джудеки.

Казанова приближался все ближе и ближе, тростью пронзая клубы вязкого пара, любясь голубизной ее глаз.

– Нет ничего подобного на свете, месье. Ваш город исключителен...

Казанова мог бы то же самое сказать про Александру, и, может, лет десять назад сказал бы. Но сейчас эти слова были бы шаблонными. И чем больше он думал, какой комплимент сделать этой девушке, чтобы расположить ее к себе, все возможные фразы ему казались банальными и бессмысленными.

– Все столицы прелестны по-своему, – продолжала Александра, – у всех есть памятники и архитектурные шедевры. Но ваша – она не только столица, не только город. Она и есть памятник, памятник самой себе.

– Мадемуазель, если бы Вы знали, как я хочу... как я хочу увековечить этот миг.

Она посмотрела на него.

– А Вы правда знали месье Вольтера? – спросила Александра, взирая на Казанову, как первые христиане взирали на апостола Петра.

– Ну... да.

Однако в данный момент Вольтер ему был до фонаря, и ему было странно чувствовать себя объектом такого глубокого почтения.

– Я прочла все его произведения.

– Чьи?

– Вольтера!

– А, да-да, конечно.

– Он самый важный мыслитель нашего века.

– Несомненно.

Александр было уютно с этим немолодым чудаковатым человеком. Его осунувшееся лицо и рафинированные манеры говорили ей, что он много повидал на своем веку. Ей даже казалось, что она уже знает его много-много лет, что он ей близок в каком-то родственном смысле этого слова. Его темные южные глаза не переставали изучать ее лицо, облащенное туманной вуалью. И ей нравилось, как он ее изучает – как углубленный в свои мысли ученый, только что открывший новое восхитительное природное явление, явление, по красоте превосходящее все на свете.

– Однако Вы с ним не согласны, месье Казанова?

– Не знаю. Я считаю, что есть определенные черты человеческой природы, которые нельзя изменить. Как бы сильно мы ни старались. Но общественные порядки... да, общественные порядки можно изменить, и нужно, если необходимо. Я так думаю.

– Но как можно это сделать, если тем, кто хочет изменить эти порядки, запрещают выражать свое мнение? – сказала Александра грустным умоляющим голосом.

– Это верно, – Казанова заметил, как свет в ее глазах исчез.

– Если растаптывают их идею справедливости? Если при малейшем несогласии с властью их лишают чести, пугают и заставляют молчать? Как им идти дальше?

– Да, тогда становится тяжело.

– Становится невыносимо, – сказала она категорически.

– Вольтер шел.

– Есть люди, которых запугивали сильнее, чем запугали его, и которые не имеют привилегий, которые имел он.

Ее лицо окаменело.

– Это тоже верно, – Казанова вздохнул, зная, что она права.

– Как же можно идти дальше тогда? Как? – она опустила голову в раздумье.

– Зависит от человека.

– Вы бы продолжали выражать свое мнение? – она взглянула на него, как будто надеясь, что он скажет «да».

– Когда я был молод – да. Сейчас – не знаю.

– Почему?

– Мы сильнее, когда мы молоды.

– Физически – да. Но нравственная сила не зависит от возраста.

– Когда мы молоды нам кажется, что ничего не сможет сломить нашу волю, что никто не сможет отнять нашу личную свободу.

– Сломать человека ничего не стоит, – промолвила она безнадежно. – Ничего не стоит. Видя, как она уставилась на какой-то предмет за его спиной, он предположил, что она говорит о ком-то конкретно.

– Пожалуй.

– Государство может...

– Мадемуазель Снежинская! – громко прозвучал суровый гортанный женский голос.

Казанова и Александра повернулись и увидели рядом квадратную сухокожую женщину средних лет со сжатыми губами. Это была гофмейстерина фон Бенкендорф.

– Гофмейстерина, я... я...

– Не отставайте от свиты, мадмуазель Снежинская. Мы же Вас ждем!

– Простите пожалуйста, мадам Гофмейстерина, – робко ответила Александра. – Я просто... тут... иду, иду.

Дамы поспешили в сторону кампо, оставляя Казанову тростью нащупывать себе опору.

5

Вечером театр Сан-Бенедетто наполнился роскошной, страстно флиртующей публикой в масках. Уже был месяц как карнавал окутал лагуну своей таинственной аурой, и, казалось, что для венецианцев это праздничное состояние было более естественным, чем нормальная, повседневная жизнь, которую они вели в остальные девять месяцев года. Вот-вот должна была начаться опера «Орфей»: оркестр настраивал инструменты и за кулисами чувствовалось волнение певцов.

Граф и графиня дю Нор со свитой сидели в главной ложе дожа, зачарованные живостью и пластикой собравшихся венецианцев. Позади них сидели прокуратор Пезаро с сестрой, без масок – как и все русские, а глубже, у самого края ложи, скованно ерзал синьор Казанова.

Казанова жалел, что цесаревич его пригласил в свою ложу. Ему было неудобно – он чувствовал себя старым и лишним среди этой красивой молодежи. Даже прокуратор Пезаро был моложе его – на пятнадцать лет. Лишь одного гофмейстера Салтыкова можно было причислить к этой степенной возрастной категории мужчин, в которую входил Казанова. Однако гофмейстер еще был совершенно в соку. Он был на высоте своей карьеры, хозяином своей судьбы. А Казанова? Непонятно что в лучшем случае. Зачем даже сравнивать?

Когда раздались первые трубные ноты, Казанова вжал голову в плечи. Он угрызался совестью из-за того, что тогда, на балу, начал фасонить перед цесаревичем, что ему навязался. Сколько раз он говорил себе, что ему больше нельзя так высоко метить, что он должен держаться скромнее, незаметнее. Его положение требовало сдержанности, он это знал. Он знал, что никому больше не нужны его выкрутасы, его светские фокусы. Таким поведением он только рисковал пасть еще ниже. Он был уже не тем человеком, которым был когда-то. Его вулкан потух. Уже пять лет на него никто не обращал внимание. Он превратился в серого, посредственного службиста, в тупое звено политического истеблишмента, того самого, которому, как ни парадоксально, он в юности противостоял своим распутным, скандальным поведением. Но сейчас надо было выживать, ему нужен был доход. Поэтому он слился с этой заурядной канцелярской пылью. Он ко всему привык и со всем смирился, лишь бы жить спокойно в своей любимой Венеции, лишь бы больше не возникали неприятности. Или нет? Или все это был самообман, и он никогда, ни на миг не привыкал к своему нынешнему положению? Быть может, в нем вовсе и не потух тот вулкан, и лава в любой момент могла извергнуться?

– *Tranquillo, Giacomo, tranquillo*²⁰, – говорил себе Казанова.

Услышав сладостную женскую арию, его глаза разыскали среди русской свиты то завораживающее лицо, которым, он знал, он не должен любоваться. Но он не мог не любоваться. Сжимаясь, сгибаясь в кресле, он никак не мог оторвать глаз от этой девушки. Остальные две «грации» его ничем не привлекали – ни внешностью, ни манерами. А Александра его пленила. Невинно, но непреодолимо. Ее тонкая шея, извилистые локоны и идеальный профиль – все было как из сказки, как у феи, являвшейся ему в его детских снах. С каждым крещендо музыки он чувствовал собственное сердцебиение. Ему стало душно, колени ослабли. Все поплыло перед глазами. «Ну почему это происходит? – думал он. – Почему сейчас, когда все уже пройдено, пережито, закопано в прошлом. Хватит!» Он должен был отвлечься, он должен был вычеркнуть лицо Александры из своего сознания. Но как это сделать? Он же не мог просто встать и выйти из ложи в кулуары? Это было бы неприлично. Смотреть в другую сторону? Невозможно – тяготение было слишком сильное. Что оставалось? Оставалось вообразить другой объект, другое лицо, другую женщину. Но кого? Свою Кеккину?

²⁰ Спокойно, Джакомо, спокойно.

Смешно, бесполезно. Лицо Кеккины было абсолютно заурядно перед лицом Александры. Лицо матери? Тоже сложно. Мать ушла из жизни несколько лет назад. Так кого же? Надо было вспомнить самую прекрасную, самую потрясающую женщину, которая глубже всех проникла в его душу и возвела его до апогея блаженства. Ну кто? Он вспоминал: Лукреция в Риме? Нет, слишком самоотверженна, без плотского начала. Эсмеральда в Барселоне? *No, solamente fuego y nada mas*²¹. Шарпиньон в Лондоне? *Slut!*²² На ком тогда можно было зафиксировать мысль? Федерика? Нет. Константина? Доминик? Генриетта? Да! Генриетта! Конечно же, Генриетта! *Ma joie! Ma vie!*²³ Самая-самая непревзойденная! Где же ты сейчас, где? Кому ты даришь свои поцелуи зефирные? Кому ты сейчас открываешь свою грудь веснушчатую? Боже мой! Да, смотри на меня. Да, вот так. Дай мне представить тебя, дай мне нырнуть в море воспоминаний. Ты помнишь лес возле Пармы? Ты помнишь, как мы бежали? Как ты меня использовала? В хорошем смысле этого слова, конечно. Было бабье лето. Повсюду кружились сухие желто-оранжевые листья. Лес молчал. Сквозь деревья вливались лучи света. Свежий осенний воздух наполнял наше дыхание. Ты распустила свои волосы, и мы легли на прохладную землю. Помнишь? Тело твое было теплым, и ты крепко прижала меня к себе и сказала, чтобы я поскорее тебя забыл. А у меня внутри все кровью обливало, и слезы мои падали на твою горячую, дрожащую грудь. Я ничего тогда не понимал в жизни, ничего тогда не знал. Я только чувствовал, как вздымалась твоя грудь, как твои зеленые глаза меня уносили непонятно куда. Потом стемнело. В лесу было страшно. А мы продолжали там лежать: ты – подо мной, я – в тебе. И ты шептала, схватив мои руки: «Не вставай, не вставай. Только забудь, забудь». А я тебе верил, верил твоим изумрудным глазам. Все, что ты мне, дураку, говорила, было заветное. Каждое твое слово, каждый твой взгляд был для меня откровением. Каждое твое...

– Синьор Казанова, ну что Вы скажете?

– Каждое...

– Синьор Казанова? Вам понравились первые два акта?

Казанова понял, что к нему кто-то обращается. И это была не Генриетта. Это был маленький курносый человечек.

– Конечно, Ваше Сиятельство, – Казанова полностью вытряс из головы мысли о Генриетте и сосредоточился на лице цесаревича. – Превосходные голоса, млеющие интонации, особенно интонации кастрата, исполняющего роль Посланицы. Весьма оригинальная аранжировка также, а именно использование трех клавиринов вместо двух, как это указал Монтеверди в партитуре.

– Я абсолютно с вами согласен! Вы просто прочли мои мысли!

Все вышли из ложи и направились в фойе выпить шампанского. Казанова смешался с кутящими венецианскими вельможами, держась подальше от графской свиты, а также от прокуратора Пезаро, который, глядя на него, постоянно хмурился. Он понимал, чем Пезаро был недоволен: цесаревич уделял Казанове слишком много внимания. Пезаро руководил общим визитом цесаревича, но Казанове уже удалось завладеть его интересом и заинтриговать его своей личностью. Он даже стал каким-то авторитетом для цесаревича. Конечно, Пезаро был рад, что русские гости получают удовольствие от венецианского общества и что все вроде соответствовало продуманной программе. Однако постоянное присутствие такого типа, как Казанова, вовсе не входило в планы Пезаро, и он продолжал волноваться, что Казанова каким-нибудь образом сорвет эту программу.

²¹ Один огонь, и больше ничто.

²² Шлюха.

²³ Моя радость, моя жизнь.

Будучи в ложе, как только Казанова услышал вступительные ноты третьего акта, что-то заставило его взглянуть налево, на первый ярус, а именно на ложу, находящуюся над сценой. В ней сидела не синьора Виттория Лоредан в синей перистой маске и красном платье, как это было во время первых двух актов, а синьора Джузеппина Морозини из прихода Сан-Сильвестро, в черном платье и белой лунообразной маске. Казанова сразу же посмотрел на противоположную ложу, с правой стороны театра, и заметил, что она была пуста. Во время первых двух актов в ней сидел монсеньор Гаetano Асколи, секретарь папского нунция в Венеции. «Это обстоятельство, лучше сказать, совпадение, было неслучайным» —, подумал Казанова. Он уже давно знал, что между этими двумя персонами развивается нежное чувство, и порой синьора Лоредан это отнюдь не скрывала, что вызывало раздражение у молодого Асколи, который, будучи ватиканским функционером, должен был держаться скромно и даже по возможности быть невидимым.

Казанова встал, извинился перед всеми и вышел в кулуар. Из внутреннего кармана своего бархатного жюстокора он достал черную *ларву*, оглянулся вокруг, надел маску и ринулся к лестнице, по которой быстро, но бесшумно, спустился на первый этаж. Там он подошел к ложе, в которой должна была сидеть мадам Лоредан, тихо приоткрыл дверь и, убедившись, что ее там нет, пустился разыскивать ее по театру. Проходя мимо всех чуланов, прислоняя ухо к дверям, он старался услышать знакомые звуки, которые выдали бы сладострастную пару. Но на первом этаже все было пусто и беззвучно. Он поднялся на второй этаж и, несмотря на то что было бы очень рискованно предаваться похоти на этаже, на котором была расположена дожеская ложа, Казанова все равно проверил все закоулки, кладовки и дополнительные каморки около фойе. Все было пусто. Он поднялся на третий этаж и столкнулся с мужчиной, спускавшимся с четвертого этажа. Мужчина был в темной маске Пулчинеллы. Господа друг другу поклонились, и мужчина отправился дальше в свою ложу. Казанова тайком проверил все чуланы на левой стороне третьего этажа и, вернувшись в центр, к лестнице, заметил, что правая сторона коридора была плохо освещена, даже как-то ненормально, потому что люстра в конце кулуаров была потушена, и свечи в жирандолях тоже не горели. Приближаясь к дальней, темной части кулуара, Казанова слышал, как музыка в театре усиливалась, как голоса переливались и сплетались, и это ему мешало прислушиваться к другим звукам. Он сосредоточено шел дальше и дальше, до темного конца кулуара, в которых уже почти не было видно ни ковра на полу, ни дверей по сторонам, ни картин на стенах. Вдруг в том малейшем свете, который смутно освещал позолоченные картинные рамы и рукоятки дверей, он увидел, как дернулась дверь: быстро приоткрылась и закрылась, как будто ее кто-то случайно толкнул изнутри. На цыпочках он приблизился к тому, последнему, чулану, и, как только музыка чуть затихла, ему удалось различить человеческий звук. Как мышь, он прокрался к двери и подслушал, как глубокое, приглушенное женское стенание тянулось и замирало, тянулось и замирало. В щелке был виден свет свечи. «Очевидно, актеры не могли не смотреть друг на друга в этой тесной мизансцене», — подумал Казанова. Он подошел поближе и, прижав к щелке глаз, увидел синьору Лоредан, сидевшую в маске на стуле с раздвинутыми ногами, между которыми рьяно работала голова ватиканского функционера.

* * *

Было уже за полночь, когда Казанова в *tabarro* и черной *ларве* шел быстрым шагом по безлюдной площади Сан-Марко. Полная луна мутно сияла в беззвездном небе, и слабый свет угасающих фонарей еле-еле освещал аркады. Пройдя мимо амфитеатра, а затем под Старыми Прокурациями, он перешел мостик и проследовал по узкой калле до небольшого кампо Русоло. Там он вытащил из плаща конверт и оглянулся вокруг. Никого нигде не было. Кампо и смежный канал Орсеоло обволакивала промозглая тишина. Слышны были лишь

стуки качающихся привязанных к сваям гондол и тихое плескание воды, слегка переливающейся на камень.

Казанова стрельнул глазами на морду железного льва, выступающую из стены дома, стоящего рядом с церковью Сан-Галло. Приподняв воротник своего *табарро*, он подошел к зверю и бросил конверт в раскрытую пасть.

6

На следующий день туман еще продолжал капризничать, то обещая голубые просветы, понемногу рассеиваясь, то неумолимо сбиваясь обратно в темные раздувающиеся сгустки. На площади Сан-Марко людей было мало, а когда слышалась человеческая речь, улавливались в основном иностранные языки, в частности английский и немецкий, которые венецианцы всегда считали жесткими, топорными, неэмоциональными, не способными выразить их средиземноморскую чувственность.

Именно на этом плоском немецком и разговаривали двое элегантных господ, решительно и целенаправленно шагая мимо дремлющей базилики к Дворцу дожей. Один был очень степенный, с гордой осанкой и хорошо откормленный, второй – помоложе, более прыткий, в очках с тонкой оправой. У Порта делла Карта их радушно, но без особой торжественности встретили сенаторы Джанмарко Каттарини и Себастиано Бон, и четверо мужчин быстро зашли в старинный дворец. Перейдя дворик и поднимаясь по лестнице Гигантов, гости остановили глаза на пенисто-волосатой голове статуи Нептуна, и старший из них понурил голову, скрывая гримасу. Внутри здания он, стремясь вверх по Золотой лестнице, дал сенаторам понять по своей непривычной замкнутости, что весьма недоволен и что визит его дожу будет кратким и безапелляционным (чего, в сущности, сенаторы и ожидали). В зале Антиколледжо сенаторы формально распрощались с гостями и оставили их с высоким герольдом, который открыл дверь в зал Колледжо, сделал шаг вперед, сильно стукнул по полу алебардой и громко провозгласил:

– Посол Священной Римской империи Его Сиятельство, граф Джакомо Дураццо!

Дураццо направился к дожу, пока его атташе сердито скалился на герольда из-за того, что протокол не обязывал того представлять посольских помощников. Поднимаясь на деревянный помост, Дураццо взял руку дожа и поцеловал рукав его пурпурной мантии (дож Паоло Реньер презирал этот обычай, ибо чувствовал себя наряженным младенцем, которого все взрослые ждут не дождутся чмокнуть).

– Светлейший принц, – поздоровался Дураццо мягким, но сдержанным тоном. – Ваши Превосходительства, – он поклонился всем мудрецам и советникам Синьории, сидевшими по обе стороны от дожа.

– Располагайтесь, мой друг, – Реньер указал на кресло, стоявшее возле его трона. – Располагайтесь.

Посол сел, потупил глаза и вздохнул. Дож, как и его коллеги, не мог понять, почему Дураццо и его атташе, сидевший на стуле позади него, не оставили свои пальто у камерди-нера при входе, как обычно, а предпочли держать их в руках.

– Вам же так неудобно, Ваше Сиятельство, – сказал Реньер. – Пальто можно оставить у входа.

– Напротив, мой любезный дож. Мне так гораздо лучше. Может быть, Вы не заметили, но я в последнее время чувствую какой-то странный, не совсем понятный ветерок, веющий с севера, – ответил румяный круглощекий посол, закинув ногу на ногу.

– А, вы имеете в виду графа дю Нор?

Реньер так и знал, что Дураццо сразу обратится к этой теме, не подступая деликатно к разговору умной преамбулой, как это делают тонкие выдержанные послы. Венецианцы вообще не переносили Дураццо. Они не понимали, какого черта именно он был назначен послом Священной Римской империи! У него не было никакой политической подготовки, никакой дипломатической изощренности. В диалоге он был прям и порой даже грубоват. Да, он был образованным человеком, потомком крупнейшей генуэзской династии, братом бывшего генуэзского дожа.

Его уважали как знатока итальянской оперы, как щедрого покровителя европейских драматургов и композиторов. Но на дипломатическом поприще Дураццо в глазах венецианцев стоял далеко не в первом ряду, очень далеко.

– Да. Я имею в виду графа дю Нор, – ответил посол.

– А что именно вас беспокоит?

Реньер, конечно, знал, что беспокоило Австрию, и прекрасно понимал, что именно этот вопрос пришел выяснять Дураццо. Но он решил это уточнить – не для того, чтобы убедиться в правоте своей интуиции, а для того, чтобы слегка запутать посла.

– Его Императорское Величество обеспокоено чрезмерным вниманием, которое Венеция уделяет русскому цесаревичу Павлу Петровичу Романову.

– Правда?

– Да. Он считает, что Вы должны разъяснить положение Венеции по отношению к России.

– Я Вас не понимаю, Ваше Сиятельство. Ведь Вы же присутствуете на всех балах, на всех торжествах. Мы от вашего посольства ничего не скрываем. Если Вы хотите, я Вас приглашу на заседание Большого Совета, на котором будет присутствовать цесаревич.

– Благодарствуйте.

– Более того, как Вам известно, великокняжеская чета до прибытия в Венецию встрети-лась с Его Императорским Величеством в Вене, где был решен вопрос о бракосочетании племянника императора с младшей сестрой великой княгини, таким образом только укрепляя дружбу между двумя коронами. Великий князь с супругой даже отменили поездку в Пруссию, зная, что это сильно опечалило бы императора. Я уже не говорю о формальном союзе, заключенным между Россией и Австрией в мае 1781 года. Неужели Вы думаете, мой благороднейший друг, что Венеция стремится обойти Священную Римскую империю и заключить некий тайный, закулисный договор с Россией?

Именно этого закулисного договора император Иосиф II и опасался. С первого дня на престоле он считал, что Австрии не хватает свободного выхода к морю. У нее не было крупных полноценных портов, и это ее ставило в зависимое положение от Венеции, которая, несмотря на свое дряхлеющее состояние, продолжала доминировать в Северной Адриатике. Венецианский полуостров Истрия и Далматское побережье были важными стратегическими точками не только в военном смысле, но и в коммерческом, и именно они и являлись объектами австрийских притязаний. Однако Иосиф II, будучи австрийским эрцгерцогом и императором Священного Рима, четко понимал, что Австрия, как и все государства Центральной и Восточной Европы, не могла шага сделать без предварительной консультации с Екатериной II. Следовательно, тесное сближение Венеции и Санкт-Петербурга, несомненно, оставило бы австрийские амбиции расширить границы до Северной Адриатики, поскольку такого расширения Екатерина не позволила бы.

– Ваше Светлейшее Величество, – Дураццо погрузил свой двойной подбородок в кружевную манишку. – Вам, как и всем в Европе, давно известен «греческий проект» Екатерины. Все знают, что императрица лелеет желание отвоевать Анатолию у турков и восставить на ее месте империю Греческую, православную. Недаром она назвала своего внука Константином. Он и станет новым императором.

У дожа засверкали глаза, и он кивнул головой, давая Дураццо понять, что Венеция в курсе этих слухов.

– Но причем здесь Венеция, граф? – спросил он. – Я думаю, если бы Екатерине понадобилась помощь, чтобы достичь этой цели, она в первую очередь обратилась бы к Его Величеству, что в принципе и является основой вашего договора. Она бы обратилась к императору не только, чтобы получить военную поддержку, но и потому, что глубоко ценит и чтит Его Величество и является, как всем известно, его самым близким другом.

Дураццо, естественно, никак не мог доказать, что Венеция желала вступить в тесные тайные отношения с Россией и таким образом не только помочь ей на турецком фронте, но и предоставить ей платформу для усиления ее авторитета в Центральной Европе. Он только мог предупредить дожа, строго предупредить, что такие «секретные» отношения приведут к печальным последствиям для крылатого льва.

– Его Императорское Величество вовсе не сомневается в дружбе и уважении Екатерины Великой, – сказал Дураццо. – Тут даже и речи не может быть о каком-то разногласии между монархами. Однако, как вы понимаете, мой светлейший дож, при дворе русской самодержицы существуют элементы, которые хотели бы испортить и подорвать эту дружбу ради других целей. И Екатерине еще не удалось полностью остановить их влияние на престолонаследника Павла Петровича.

– Кто именно, Ваше Сиятельство?

– Граф Никита Иванович Панин, бывший наставник юного цесаревича, а ныне его самый близкий советник.

– Панин? Автор «Северного аккорда»?

– Да. Тот самый.

«Северным аккордом» был союз между Россией, Пруссией и Швецией, направленный против Габсбургской Австрии после окончания Семилетней войны во второй половине 1760-х годов. В сущности он был оборонительным союзом, но тем не менее не позволял Австрии спать спокойно, поскольку укреплял положение ее архиврага – Пруссии. Несмотря на то что в середине 1770-х годов «аккорд» был еще в силе, его постепенно начинали затмевать русские интересы на Кавказе и на Черном море. Именно эти интересы побудили Екатерину заключить официальный союз с Иосифом в 1781 году, чтобы защитить друг друга в случае войны с Османской империей.

– «Северный аккорд» нынче не имеет никакого веса, – сказал дож.

– «Аккорд» – нет, но Панин – да, – решительно ответил Дураццо, поглядывая на всех членов коллегии.

– Не может быть, граф. Уже год как Панин находится в отставке.

– Нет, в сентябре он вернулся в Петербург и пытался отговорить великих князей от путешествия в Европу. Вопреки желанию самой императрицы! Вы представляете это, мой светлейший дож?

– Но они же приехали после всего. Значит никакого влияния Панин больше на Павла не имеет.

– Не совсем так.

– Князь даже не поехал в Пруссию навестить великого Фридриха, своего кумира. Это должно Вам говорить о его солидарности с австрийской короной.

– Ваше Величество, Вы же знаете историю бедного цесаревича. Вы же знаете, как поступила его мать с его отцом, отняв у прямого наследника положенный ему престол, категорично лишив его участия в государственных решениях. Вы же понимаете, какие чувства, следовательно, питает этот молодой обиженный наследник к своей матери-узурпаторше и какие слухи распространяются по всей Европе?

Реньер знал, что Дураццо придумает любой предлог, даже самый нереальный, чтобы потребовать от Венеции не сближаться с Россией. Каким бы плоским и прямолинейным он ни был, он никогда бы прямо не сказал, разумеется, что Австрии нужна слабая беззащитная Венеция.

– Ваше Сиятельство, – спокойно ответил Реньер, – при чем тут Венеция? Почему вы считаете, что маленькая, уже давно невлиятельная Венеция может как-то подействовать на внутреннюю политику могучей России? Зачем нам провоцировать наших соседей? Зачем нам рисковать тем миром, который мы с трудом установили шестьдесят лет назад?

Собеседники внимательно изучали друг друга. У дожа лицо было невозмутимое, как гладкая поверхность Бачино Сан-Марко в ясный безветренный день. Своей твердой, благожелательной полуулыбкой он говорил Дураццо, что какой бы маленькой Венеция ни являлась, она никому никогда не пожертвует своим суверенитетом. И Дураццо понимал, что на данном этапе не было смысла усложнять отношения с Лагуной, тем паче что доказательств о «секретной» дружбе между Венецией и Россией он не имел.

– Я просто хочу сказать, мой светлейший дож, что Россия сегодня находится в переходном периоде. Вы сами только что отметили, что она недавно перешла от одного союза к другому. Каким бы убедительным ее внешний курс ни казался нам всем здесь в Европе, ее внутренний склад еще не достиг той стабильности, которая могла бы вызвать наше доверие, то есть наше полное, непоколебимое доверие.

– Я согласен, Ваше Сиятельство.

– Следовательно, Его Императорское Величество хотел бы любезно попросить Венецию не поощрять никакие раздоры при русском дворе.

– Боже упаси, *mein Graf!*

– Его Императорское Величество это просит не потому, что не желает видеть дружеские отношения между Светлейшей Республикой и Россией, а потому, что считает, что, перед тем как Россия начнет бросать свои якоря в Средиземное море, она сначала должна четко показать, кто у нее будет стоять у кормила.

«О, скудоум! – подумал Реньер. – Как же не стыдно императору иметь такого дебила в послах? То он разыгрывает какую-то гнусную пьесу с пальто в руках, то он мечется, не знает, под каким предлогом предъявить мне свои претензии, то под конец прячется за лживой политичностью. И еще какого поэта из себя корчит: „Бросать якоря в Средиземное море, стоять у кормила“! Русские флотилии уже десять лет назад стояли у Ливорно! Где ты был, балда бесхребетная? Перед европейскими тронами подхалюзничал? На что только и способна твоя Генуя паршивая!»

Реньер посмотрел на всех членов Синьории, пристально следивших за развитием аудиенции. Глядя на картины на стенах зала, изображающие великую битву при Лепанто, он на секунду представил Дворец дожей лет триста назад, когда королева Адриатики находилась в апогее своей славы и силы, когда все дворы Европы и Леванта дрожали, услышав ее имя. Он представил, как послы заходили в Зал Коллегии с поджатыми хвостами и боялись не так язык повернуть. Тогда никто бы не посмел потребовать что-нибудь от венецианского дожа. Да, вот тогда Венеция была настоящей империей! А сейчас что? Жалкая заложница своего презренного нейтралитета, того самого нейтралитета, которым другие страны рано или поздно воспользуются, чтобы отнять у нее последние клочки ее уменьшающейся территории. Включая Австрию. Первым делом – Австрия! Нет, мой дорогой посол, Вы нам не будете диктовать, как нам принимать наших гостей. Мы сами решим, что нам выгоднее.

– Конечно, Ваше Сиятельство. Мы прекрасно понимаем взволнованность Его Императорского Величества, – Реньер встал со своего трона, улыбнулся и протянул Дураццо руку. – Если император так желает, мы воздержимся от излишнего сближения с Россией.

7

Позже, пока цесаревич слушал темпераментные обсуждения членов Большого совета во Дворце дожей и любовался картиной великого Тинторетто «Рай», покрывающей всю восточную стену зала, на верхнем этаже, в небольшом и темном кабинете трое самых таинственных функционеров Венецианского государства тихо рассматривали доносы одного высокого немолодого конфиденнта. Эти три чиновника всегда сидели спинами к окну, и на закате их лица оставались силуэтами. Никто в Венеции не знал их имена, а те сотрудники дворца, которые знали, не имели права их произносить ни на службе, ни на улице. Главного из них, носившего алую тогу, называли Красный. Его избирала Синьория. Двое сослуживцев – Черные – назначались Советом десяти. Триада всегда появлялась на службе первой и уходила последней, под ночным небом.

– Мы не удовлетворены Вашими последними доносами, – прозвучал гнусавый голос Красного. – Следовательно, мы не сможем Вас за них вознаградить.

– Чем именно, Ваше Высокопревосходительство?

– Они неточны.

– Но п-п-почему же? Я же... Я же... – конфиденнт заерзал на стуле.

– Вы в них заблуждаетесь. И в первом, и во втором.

– Не может быть.

– В первом доносе, датированном 3 января 1782 года, вы пишете: «Французский либреттист Жан Пюго, проживающий на кампо Сан-Поло, имеет среди своих книг сборник скабрёзных и безнравственных стихотворений во французском переводе запрещенного Венецианским трибуналом поэта Джорджо Баффо. Эта книга позволяет месье Пюго развращать и портить самую чистую и многообещающую молодежь Светлейшей Республики и все подрастающие поколения вообще. Книга называется „Канал желания“». Посмотрите сами.

Красный передал бумагу своему секретарю, который в свою очередь передал ее конфиденнту. Тот перечитал донос.

– Да, так и есть. Но что вы здесь находите неточным, Ваше Высокопревосходительство?

– Мы разговаривали с месье Пюго и прочитали книгу «Канал желания».

– И?

– Дело в том, что автор книги нигде не указан. Даже намек на него нет.

– А чьи же эти стихи тогда?

– Месье Пюго говорит, что они его.

– Ваше Высокопревосходительство, – конфиденнт несознательно почесал кончик своего орлиного носа, – любой венецианец, знающий стихи Джорджо Баффо и владеющий французским языком, сразу поймет, что он читает Баффо в переводе. Тут даже сомневаться не надо в идентичности автора.

– Мы не согласны. Мы сравнили французский текст с оригинальными конфискованными рукописями, хранящимися в нашем архиве, и после тщательного анализа определили, что французский текст не соответствует поэзии Джорджо Баффо. Книга «Канал желания» была написана французским либреттистом.

– Но ведь...

– Следовательно, мы не можем привлечь месье Пюго к уголовной ответственности. По закону в Венеции запрещаются только определенные авторы. Его книга не входит в эту статью.

– Но книга же безнравственная!

– Мы согласны. И мы жестко предупредили автора не распространять ее.

- Но он же читает эти стихи юношам, Ваше Высокопревосходительство. Юношам!
- Вы это видели?
- Я это знаю.
- Каким образом вы получили эту информацию?
- Мне сказали.
- Кто?
- Я это слышал.
- От кого?
- Поверьте мне.
- Видите ли, «слышать» для нас недостаточно.
- Все, что я говорю, – правда.
- Недостаточно. Нам нужны конкретные доказательства. Следующий донос...

Конфидент выпрямил спину, изучая силуэт Красного, который достал другой лист бумаги.

– ...Вы пишете: «Вечером, 19 января 1782 года, в театре Сан-Бенедетто, во время оперы „Орфей“, на третьем ярусе, в самом последнем чулане правого кулуара, секретарь папского нунция в Венеции монсеньор Гаетано Асколи занимался самым пошлым, распущенным и непристойным для светлейшего общества актом с синьорой Витторией Лоредан, вдовой генерала Марино Лоредан».

– Да, так и было, Ваше Высокопревосходительство. Это я видел собственными глазами.

– В этом я не сомневаюсь. Ваш донос не первый, описывающий лицемерное поведение монсеньора Асколи. И мы приветствуем Ваши попытки разоблачать ватиканских чиновников. Однако тут есть одна маленькая неточность.

– Неточность? Не может быть! Это были они! Я уверен. Я могу Вам дать в качестве свидетелей имена тех, кто сидели с ними в ложах во время первого акта. Это были они, Ваше Высокопревосходительство. Клянусь Вам!

– Дело в том, что монсеньор Асколи больше не является секретарем папского нунция в Венеции.

– Что?!

– В конце декабря он был назначен ауксилиарным епископом Неаполя.

– Как?

– Вот почему мы не сможем вознаградить Ваш труд. Вы это должны были знать.

– Но может быть... может быть, хотя бы половину. Ведь занятие на самом деле было непристойным.

– С этим мы согласны. Но как Вы знаете, мы платим только тогда, когда донос приводит к конкретному результату. А тут результата никакого не может быть. Венеция не может позволить себе провоцировать Бурбонов.

– Чуть-чуть, хотя бы за мои расходы.

– Какие расходы? Билет в театр Вам не надо было покупать – Вас пригласил граф дю Нор. И еще в свою ложу при этом.

– Но я же не могу жить на... то есть... Давайте договоримся, Ваше Высокопревосходительство. Давайте вернемся к старому договору, то есть к полной ставке. Я готов снизить месячный оклад, даже на двадцать пять процентов. Но чтобы быть в штате. Чтобы была хоть какая-то стабильность. Вы понимаете? Я Вас искренно прошу. Я Вам даю слово, что доносы мои будут полноценны.

– К сожалению, нет.

– Ради бога, Ваше Высокопревосходительство, – конфидент чуть не встал на колени.

– Кстати, еще одно дело.

– Какое, Ваше Высокопревосходительство? – конфиденд обнадеежилс, будучи готов выполнить любое поручение, лишь бы за него заплатили.

– Синьория Вас просит больше не общаться с русскими.

– Не понимаю?

– Очень просто. Если граф дю Нор будет Вас приглашать куда-нибудь, отказывайтесь. И не только граф дю Нор. Вам также запрещается общаться с членами его свиты.

– Но я же не принадлежу к патрицианскому сословию, которому закон не разрешает зняться с иностранными дипломатами. И граф дю Нор не приехал в Венецию в качестве дипломата.

– Неважно. В данном случае всем конфидендам запрещается общаться с русскими.

– Я могу спросить, почему было принято это решение?

– Я не буду повторяться.

Конфиденд не знал, что еще сказать. Его зрение затуманилось. В кабинете и так было темно. Люстры не было, по сторонам на мрачных стенах слабо горели две кривые свечи, и конфиденд заметил, как тьма постепенно поглощает профили инквизиторов.

– Но Ваше Высокопревосходительство? – вымолвил он робким голосом.

– Ступайте.

Конфиденд растерянно встал, поклонился и, не торопясь, пошатываясь, удалился из зала.

Выйдя из дворца на набережную, он устало посмотрел на остров Сан-Джорджо Маджоре на противоположной стороне бухты. Огненное солнце, заходящее за церковь, бросало последние лучи на рябь свинцовой воды. Тонкий слой хлопчатых облаков лежал на зеленом шпиле, и воздух наконец был живым и чистым. Но все же какой-то странной под этим сумрачным покровом казалась ему церковь. Он сосредоточил взгляд и вместо острова со стройной красной колокольней и белым палладианским фасадом увидел остров с высоким золотистым шпилем на желтой барочной колокольне, загороженной низкой прибрежной куртиной с множеством амбразур.

* * *

Вечером в Казино Джанкарло Гримани играли в фараона. Хозяин дома держал банк. Ставки были мелкие – играли просто так, чтобы скоротать время. Собрались обычные игроки: Казанова, его старый друг Пьетро Антонио Дзагури, восьмидесятилетний *барнаботто*²⁴ Альвизе Молин и драматург Карло Гоцци. Остальные гости, разбросанные по всему *пьяно нобиле*²⁵, развлекались обычными салонными беседами, ароматным глинтвейном и приторной щедростью навязчивых куртизанок.

– А вы заметили, господа, что наш Джакометто что-то слишком серьезно сегодня играет? – хихикал толстый краснощекий Гримани с бородавкой на подбородке, тасуя карты своими жирными пальцами. – У меня такое впечатление, что его интересует только одна победа. Где же его чувство чистого азарта?

Джанкарло Гримани знал Казанову с детства. Его отец, сенатор Микеле Гримани, был покровителем театра Сан-Самуэле, в котором работал отец Казановы, Гаetano, а затем и его мать Дзанетта, впоследствии прославившаяся во многих столицах Европы. Гаetano ушел из жизни когда Казанове было всего восемь лет, успев на одре попросить Микеле Гримани позаботиться о судьбе его жены и шестерых детей. Джакомо и Джанкарло, разумеется, росли совершенно разными: Джакомо был хилым, чувствительным, неуверенным в себе и в своем

²⁴ Обедневший венецианский патриций.

²⁵ Главный этаж палатцо.

будущем; Джанкарло превратился в ленивого, избалованного повесу, прозябая дни и ночи в театральных уборных Сан-Самуэле и других театров, принадлежащих его семье. Казанова никогда особенно не тяготел к общению с Джанкарло. Между ними порой даже ощущался какой-то затаенный антагонизм. Однако благодарность, которую Казанова испытывал к Микеле Гримани за то, что тот сдержал слово и не дал Дзанетте с детьми умереть с голоду и даже продвигал ее актерскую карьеру, вынуждала его периодически сталкиваться с Джанкарло.

– Одно другому не мешает, – тихо ответил Казанова, осторожно делая ставку.

Гримани на самом деле был прав: Казанова сейчас играл исключительно с надеждой на выигрыш. Он нуждался в деньгах. Единственным его доходом были шесть месячных цехинов, которые после смерти оставил ему один из его бывших покровителей Марко Барбаро. В качестве конфидента он больше ничего не получал – ни месячного оклада, ни сдельной оплаты. Его вторая должность – секретарь генуэзского маркиза Карло Спинолы – за полгода дала ему лишь девять дукатов, что было почти в два раза меньше одной месячной зарплаты, полученной от инквизиторов. О его литературных трудах вообще говорить было нечего: за всю жизнь они ни одного сольдо ему не принесли. Платья, шитые Кеккиной, продавались с трудом за какие-то гроши. А одалживать деньги, как он это раньше делал у преданного ему Дзагури, было стыдно, ибо он знал, с каким трудом их возвращал.

– Если бы я держал банк, я бы тоже мог позволить себе играть беспечно, – заявил Молин, приглаживая свои седые волосы.

– Что? Держать банк? Да у вас бы сквозь пальцы все утекло, – продолжал хихикать Гримани. – Транжира!

– Оставьте его, Джанкарло, – заступился за Молина зеленоглазый Дзагури.

– Вы ошибаетесь, мессер Гримани, – вежливо сказал Молин. – Наше положение – это не моя вина и не вина моих предков. Если бы Ваша семья потеряла свои земли на Крите, она бы тоже потерпела крах.

– Тогда не надо было одним скотоводством заниматься, – Гримани одним глазом искал себе куртизанку. – И не надо все на Морозини²⁶ сваливать. Он был вынужден сдать туркам.

– Морозини никто не обвиняет, мессер Гримани.

– Надо было родине служить.

– Родине служить? – усмехнулся Дзагури. – Уж кто бы говорил!

Все в Венеции, конечно, уважали фамилию Гримани, давшую Светлейшей Республике трех дождей, четырех аквилейских патриархов и уйму адмиралов и других высокопоставленных государственных деятелей. Однако, глядя на Джанкарло, никто бы не сказал, что он происходил из такой важной, патриотической семьи. Культа отечества в нем и капли не было – его алтарь стоял совсем в другой капелле.

– А как тебя зовут, дорогуша? – Гримани обратил внимание на молодую светловолосую куртизанку, одиноко блуждающую по залу.

– Нана.

– Иди посиди-ка у меня на коленях, Наночка.

– О нет! После того, что вы сделали с Элизой, нет, спасибо!

– Что я сделал? Она сама доигралась, тигрушка.

– Семерка! Моя! – обрадовался Дзагури.

– Чего? – Гримани проверил выигрышную карту.

²⁶ Франческо Морозини (1619–1694) возглавлял защиту Кандии на острове Крит во время осады города турецкими войсками (1648–1669). После вынужденной сдачи города он по возвращении в Венецию был обвинен в трусости и измене, но вскоре полностью оправдан и восстановлен во всех своих почетных званиях. В 1688 году был избран дожем.

– О, поздравляю, удачная ставка, – отметил длинноносый Гоцци. – Мне бы Ваше везение.

– Вы имеете в виду в картах? – ехидно улыбнулся банкомет, записывая проигрыш.

Гоцци понял, что тот намекал на неуспех его последних пьес.

– Я могу поспорить на весь банк, мессер Гримани, что вы за всю жизнь ни одной моей пьесы не видели на сцене и даже не читали.

– И Вы бы выиграли, маэстро.

– Тогда я вам завтра оставлю в театре два билета на премьеру. Приходите с кем-нибудь. Если, конечно, у Вас есть друзья.

– На премьеру, к сожалению, не смогу. Но на второе представление обязательно приду. Если, конечно, оно состоится.

– А я считаю, что мессер Гоцци – самый талантливый драматург нашей республики, – гордо вставил Молин.

– Благодарствуйте.

– Внутриклассовая солидарность, – фыркнул Гримани, метая карту.

Гоцци тоже происходил из *барнаботти*, однако в какой-то момент своей карьеры нажил неплохое состояние своими популярными пьесами.

– Называйте это как хотите, – продолжал Молин, с ностальгией поглядывая на пару взъерошенных полуобнаженных женщин, смеющихся на плюшевой оттоманке, – но не забывайте, что Ваши театры когда-то очень преуспевали, благодаря труду мессера Гоцци.

Официанты наполнили всем игрокам бокалы.

– Наночка, иди сюда, я тебе монетку хорошую дам, – сказал Гримани, протягивая ей руку и замечая, как старик Молин томится в нежных воспоминаниях.

– Я боюсь, монеток у Вас на меня не хватит, – ответила Нана, облокачиваясь на каминную полку, пальчиками пробегая по серпентинному мрамору.

– Не задирай нос, лапонька. Еще не вечер, – Гримани хлебнул из своего бокала. – А вот почему же наш великий шевалье все молчит? Небось, сейчас колдует над столом, думает, каким образом из своего последнего дуката сделать сто.

– Не беспокойтесь, – ответил Казанова. – Моя тишина рано или поздно прервется.

Все посмотрели на Казанову и увидели, что, несмотря на постоянные проигрыши, он упорно продолжал делать ставки.

– Я надеюсь, это будет скоро, пока Вы своим философским камнем еще не превратили меня в мальчика.

Гости улыбнулись, поняв, что Гримани намекал на известную историю, рассказанную самим Казановой, в которой некогда в Париже ему удалось заставить старую маркизу д'Юрфе поверить в его оккультные силы, способные превратить ее в юношу.

– Человеку нужна иллюзия, – жмурился Казанова. – Так легче живется. Вы же верите в свое имя.

– В мое имя? – удивился Гримани. – Как это понять?

– Вы же верите, что вы Гримани.

Гримани омрачился, а потом искусственно засмеялся.

– Что я Гримани? Вот это оригинально. А кем же я должен быть, дорогой, Монтесумой? Казанова на него посмотрел искоса.

– Я слышала, что тут дукаты раздают, – сказала одна немолодая черноволосая куртизанка, своей пышной, выливающейся из корсета грудью прилипая к Гримани.

– О нет, Флавия, душа моя. Сегодня я хочу вкусить новые плоды.

– О, чего бы я не дал сейчас, чтобы опять быть юношей, – вслух мечтал Молин. – Чего бы я не дал, чтобы суметь переплыть нашу бухту. Как обидно сейчас стоять у берега,

смотреть на волнистую поверхность и знать, что никогда ты больше в воду не войдешь. Вы представляете, господа, какое это издевательство? Аж кости сжимаются.

У Молина кадык в горле задрожал. Флавия обняла его за вялую щетинистую шею.

– А я нет, – сказал Дзагури. – Юность – это пучина, из которой берега ни видать. Я предпочитаю сушу.

– Суша не поможет, к сожалению, – засмеялся Гримани. – Вы же видите, господа, как в последнее время на наших погостах трупы всплывают при малейшей «акве альте». Аха-ха-ха.

– Дурак! – вскрикнула Флавия.

– Самый лучший возраст – это тот, в котором мы не считаем наши годы, – сказал Гоцци.

– То есть тогда, когда нас нет? – спросил Гримани и, заметив, что больше никто не понтирует, продекламировал:

Блажен, кто в сладком веке
тихонько родился.
Блаженней тот, кто никогда
вообще не появился.

– Нет, мессер Гримани. Жить надо, – серьезно сказал Молин.

– Ладно, эта пустая метафизика ни к чему нас не приведет. Если никто больше не понтирует, господа, я предлагаю завершить нашу игру и заняться более существенными делами, – Гримани взволновался, заметив, что Нана куда-то исчезла.

– Я пас, – сказал Дзагури.

– Я тоже, – одновременно вздохнули Гоцци и Молин.

– А я еще не закончил, – твердо произнес Казанова, почесывая ногтями стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.